

Александр Берзан

КУНАШИР

*Дневник
научного сотрудника заповедника*

Лесной следователь

Москва 2022

Александр П. Берзан
Кунашир. Дневник научного
сотрудника заповедника.
Лесной следователь
Серия «Кунашир. Дневник научного
сотрудника заповедника», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68261074
КУНАШИР. Дневник научного сотрудника заповедника. Лесной
следователь / Александр Берзан: Перо; Москва; 2022
ISBN 978-5-00204-443-6

Аннотация

Кунашир... Четвёртому году работы и жизни научного сотрудника природного заповедника в экзотических лесах Кунашира посвящена вторая книга автора «Лесной следователь». Ведь, лесная жизнь – это бесконечная цепочка событий и происшествий. Как заправский следователь, автор старается разбираться в их причинах.

Своей документальной точностью, книга будет интересна для изучающих природу сотрудников заповедников и научных институтов. Для «цивилизованного» населения, она

приоткрывает дверь в лесную жизнь сотрудников природных заповедников и национальных парков. Лесная страница жизни этих людей до сих пор остаётся мало известной для большинства людей.

Любителей природы книга не оставит равнодушными множеством встреч с лесными обитателями, ежедневно сопровождающих шагающего по кунаширскому лесу сотрудника заповедника. Любителей путешествий и приключений книга удовлетворит подробнейшим знакомством с удивительным и грандиозным вулканом Тятя.

Я очень благодарен Алексею Капустьяну. Без него, этой книги не было бы.

Содержание

Введение	6
Лесной следователь	9
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Александр Берзан
КУНАШИР. Дневник
научного сотрудника
заповедника.
Лесной следователь

Введение

«Лесной следователь» – это вторая книга серии. Первая книга повествует о трёх годах жизни научного сотрудника заповедника в лесах Кунашира. Первые три полевых сезона. Этот полевой сезон – четвёртый. До предела насыщенный событиями, походами по вулканам, встречами с медведями...

Кунашир... Самый южный из крупных Курильских островов. Природа Кунашира удивительна и неповторима! В сравнении даже с расположенным чуть севернее, соседним островом Итуруп. Южная часть острова – это «пёстрая смесь юга», страна магнолий и бамбуковых дубняков. Более обширная, северная часть Кунашира – это страна хвойных лесов из ели и пихты. В большей части, с подлеском из курильского бамбука...

К слову сказать, хвойных, елово-пихтовых лесов, на других Курильских островах – нет.

Пространства рельефа выше шестьсот пятидесяти метров над уровнем моря заняты покровом кедрового стланика.

Кунашир имеет протяжённость всего сто двадцать километров. Но этого с избытком хватает для бездонности мира его дикого леса! В который каждый раз ныряешь... как в океан. И не факт – что вынырнешь.

Эта книга – очередной год лесной жизни научного сотруд-

ника заповедника в северной части острова. Мой кумир Г. А. Федосеев писал об экспедициях геодезистов в условиях суровой природы Дальнего Востока нашей страны, о тяжёлой и рискованной полевой жизни этих людей. Я же постарался простым языком рассказать о лесной жизни научного сотрудника заповедника. В принципе – это полевой дневник. Здесь нет ни слова выдумки.

Каждая встреча и событие – строго документальны. Как и имена и фамилии всех действующих лиц.

Природных заповедников, в России – больше сотни, примерно столько же природных парков. И в каждом из них живут и выполняют свои обязанности люди. Это необычные люди. Каждый день они решают проблемы выживания в условиях дикой природы. Для них – это обычная проза жизни, ежедневная рутина. Трудный и рискованный образ жизни этих людей остаётся малоизвестным для нашего общества до сих пор. Что ими движет? Как и чем они живут? Как они относятся к природе, которую вызвались охранять и изучать. Автор этой книги приоткрывает особенности работы и жизни этого заповедного люда.

Книга – это настоящий калейдоскоп удивительных историй из жизни дикой природы Кунашира. Этим, книга будет интересна любителям приключений.

А своей документальностью – книга будет интересна краеведам, туристам, натуралистам, лесникам, и самим сотрудникам заповедников и национальных парков...

Лесной следователь

Весна! Наш полевой сезон начался! Шестого апреля, мы заезжаем, на тяжёлом вездеходе геологов, в лес. В этом году, нас трое – я, Сергей Казанцев и Андрей Анисимов. Наш заезд, в этом году – ещё более впечатляющий: доски, тяжёлые рулоны рубероида, ящик с гвоздями, ножовка, топоры, молотки, пару мешков цемента...

Три часа хода – и моим глазам вновь открывается милая моему сердцу, речка Тятина!

– Рррууух! Рррууух! – тяжело покачиваясь на валунах речного берега, зеленая громадина вездехода медленно заходит в широкий речной перекат.

Тятина, как всегда, полноводна – гусеницы ГТТ скрываются под водой...

Через пяток минут после речки, натужно ревя, вездеход выбирается на верхнюю морскую террасу и мы видим приземистый дом, что в одиночестве стоит на плато бывшего посёлка Тятино. Куда ни глянь – белое безмолвие, зимний пейзаж! Кругом лежит глубокий снег. На синем, совершенно безоблачном небе, ослепительно сияет солнце. Весь покрытый черным рубероидом, дом резко выделяется на снежной белизне обширного пустыря.

– РРРУУУХ! РРРУУУХ!

Выворачивая своими траками целые пласты тяжёлого, ве-

сеннего снега, вездеход в несколько приёмов разворачивается и осторожно сдаёт задом к фасадной стене дома.

Мы спрыгиваем на землю и бросаемся отвязывать верёвки креплений. Андрей Анисимов карабкается на железную крышу вездехода и одну за другой, принимается сбрасывать прямо на снег новенькие доски. Штук пятьдесят! Какое богатство! Рядом с досками растёт горка, таких же жёлтых, пахнущих смолой, длинных реек. И всё это – помимо наших рюкзаков, картонных коробок с продуктами, скатанных в рулоны ватных матрасов, «солдатских» одеял и даже, пуховых подушек...

Вездеход, без промедления, уходит.

– Дааа...

– Ага...

Мы осматриваемся, прицениваясь к окружающей обстановке, откапываем наполовину занесённую снегом дверь тамбура и открываем входную дверь в дом.

Первый шаг, первый взгляд:

Перегораживающую прошлой весной обширное пространство дома напололам, брезентовую стену – мы сняли с Дыханом ещё прошлым летом. Широченное помещение дома настыло, за зиму. И сейчас, стены этой «казармы» холодно посверкивают льдистой щёткой инея. Небольшая топка, стоящей ровно посередине дома печки, снова развалилась!

– Опять по кирпичам! – тонким голосом, злится Казанцев.

– Ну! – зло киваю я, – Без цемента делали, чтож ты хо-

чешь?.. Хорошо, что хоть, кирпичная труба стоит!

– А наши нары, под потолком – сохранились! – уже радуется Казанцев.

– Ну! – киваю я, – Хоть это, строить не надо!

– Надо! – возражает Андрей, – На нарах – только три места! Давайте, ещё ярус сделаем? Под первым!

– Точно! Прямо под ним! – прикидываем мы, – Пробросим пару поперечин, из брусков – и досками застелем!

Хоть и из кирпича, но печка в Тятинском доме – походная. Обычного печного стояка, с колодцами дымохода, здесь – просто, нет. Кирпичная топка сразу переходит в узкую, кирпичную, вертикальную трубу, уходящую в потолок...

Перед тем, как заняться реанимацией дома, мы кое-как растапливаем печку и ставим чайник воды, на чай...

Наконец-то, чай готов! Мы все пристраиваемся к столу...

С Саратовского кордона, к нам в вездеход, подсел лесник Сергей Олевохин. Меня, в первую очередь, интересуют лесные новости. И я использую время перекура: «Серёга, медведи уже поднялись? Ты, может, след где видел?».

– Хм! Саня! – как всегда, добродушно усмехается Олевохин, отхлёбывая из белого фаянсового бокала чай, – Конечно, поднялись! Дай вспомнить, какого числа это было...

Я молчу и жду...

– Но, то был первый след, я потом число вспомню, – вскоре отбрасывает Сергей, эту мысль, – А, вон! Вчера! Один – прямо через устье Саратовки пропёрся! Такую кучу навалил!

– Да, ты что?! – загораюсь я, – Вот бы – глянуть! Я, этот след, найду? Если, завтра пойду?

– Хм! – улыбается Олевохин, – Нет ничего проще! Шагай по дороге, от устья Саратовки на кордон. Метров через сто – этот след медведя дорогу пересекает. Там и его кучу увидишь!

– Да?

– Хм! Саня, мимо не пройдёшь!

Я, ведь, в этом году хочу проследить питание бурого медведя! И медвежий помёт – это, как раз то, что мне нужно исследовать. Анализ помётов даст мне возможность установить рацион наших медведей. Помёты – это конкретные цифры по питанию! В зимнюю командировку я специально консультировался у Геннадия Воронова на Сахалине и у Виктора Юдина во Владивостоке по методике обработки помётов медведей...

Ладно, Саратовская будет завтра. А, сегодня и сейчас – мы бросаемся в ремонт дома. До темноты, лично мне – нужно переложить топку печки. Мы, с Казанцевым, берём цинковое ведро, штыковую лопату и шагаем от дома по снежному вездеходному следу обратно, на гребень высокой морской террасы – там уже вытаял из снега борт дороги. По прошлому году мы знаем, что здесь имеются целые залежи хорошей, желтой глины.

Я закатываю рукава и принимаюсь месить раствор в продолговатом, цинковом тазу... Талая вода из лужи – такая сту-

дёная! Пальцы сводит напрочь! Но выбирать не приходится...

Тем временем, Анисимов с Казанцевым перегораживают напололам помещение нашего дома. На этот раз они возводят стену из новеньких досок.

– Жжик-жжик! Жжик-жжик! – не отрываясь от своих кирпичей, слышу я, как за моей спиной Анисимов пилит доску за доской.

Под завершение дня, мы, уже все вместе, сооружаем из досок второй ярус нар...

– Хорошо! – улыбается Казанцев, – Когда рабочих рук – целых три пары!

– Да! – охотно соглашаюсь я, – Особенно, когда все они – умелые!

Тятино. Утро. Седьмое апреля. Мы с Казанцевым – полевая пара. Мы собираемся на Саратовскую...

На улице стоит серый туман. Кругом сыро и прохладно. Чтобы не месить снег по круговой дороге, мы направляемся по пустырю от нашего дома, напрямую к океану. Сваливаемся вниз по крутому склону высокой морской террасы. И, уже по столу низкой морской террасы, коротко пробиваемся по глубокому снегу на песчаный пляж океанского берега.

Вот и ровный, твёрдый морской песочек, под сапогами!
– Ци-ци-ци! Ци-ци-ци! – по песку перед нами разбегаются, звонко перекликаются камчатские трясогузки.

– Серёж. Смотри! – радуюсь я, – Трясогузки!

– Естественно! – не понимает моих восторгов, Казанцев, –

Весна на дворе...

Пятьсот метров – и перед нами устье Тятиной! Нам нужно переходить речку. Чтобы выбраться на перекат, мы сворачиваем с отлива моря вправо и опять вылезаем на метровый стол низкой морской террасы...

Здесь – кругом лежит снег!..

На небольшой бурой проталине, у подножия высокой морской террасы, ярко-жёлтыми звёздочками горят адонисы!

– Серёж! Смотри! Адонисы цветут!

– Один, два, три... – чуть отстав от ушедшего вперед Казанцева, я насчитываю более десяти одиночных цветков.

По методике фенологических наблюдений – если находишь больше десяти цветков, то можешь смело регистрировать фазу начала цветения. Я открываю свой полевой дневничок и решительно пишу: «Адонис амурский – начало цветения».

Как шли – мы с ходу переходим речку. А что? Наши болотники были раскатаны ещё у входной двери Тятинского дома! Выйдя из воды на противоположном берегу речки, мы шагаем дальше, по колеям старой дороги...

На плоском бакланьем камне, что стоит в первой волне, под первым мысом за Тятиной, сидит всего один баклан.

– Смотри! – я протягиваю Казанцеву бинокль, – Японский

баклан! Он – большой и серый.

– Хм! Ясно дело! – хмыкает в ответ ершистый Казанцев, рассматривая в бинокль птицу, – Краснолицые бакланы – они чёрные и изящные!

Наш путь лежит дальше на запад, по низкой морской террасе, вдоль побережья...

То и дело, мы пересекаем одиночные медвежьи следы. Все они, ведут со стороны темнеющих справа, за взгорками высокой морской террасы хвойных массивов, по снежной целине, напрямиком на приливно-отливную полосу океана.

Вот, наконец, впереди уже видны бамбуковые просторы устья Саратовской! Это значит, что мы преодолели пять километров побережья. От устья речки мы круто сворачиваем вправо, по едва выделяющемуся на снежной целине бамбуковой пустоши, старому следу вездехода, уходящему в сторону тёмных хвойников, к Саратовскому кордону.

– Вон, след! – я издалека вижу чей-то след, пересекающий снежные вездеходные колеи.

– Ага, точно! – кивает Казанцев.

Мы подходим ближе. Это – действительно, след медведя. Стараясь поменьше проваливаться в снег, медведь шел как крокодил, широко расставляя лапы. И всё-равно, он проваливался по брюхо! Я прослеживаю глазами след – зверь ушёл с заснеженных просторов побережья, в ещё более снежную пойму речки.

– Так! – прикидываю я, прицениваясь к следу, – По словам

Олевохина, он прошёл три дня назад... А, вон и помёт!

Это – метрах в тридцати от колеи. Проваливаясь несравненно глубже медведя, я трудно пробиваюсь по снегу к помёту...

Всё! Добрался. Я стою и тяжело дышу, заодно осматриваюсь... По ходу движения, медведь выкопал в снегу широкую яму, около метра в поперечнике. Вся поверхность этой ямы, да и снег вокруг, равномерно покрыты сантиметровым слоем сухого помёта. Сломленной рядом веточкой, я начинаю ковырять помёт: «Та-ааак, что мы имеем?». Через несколько минут, я, в недоумении, распрямляюсь над ямой: «Какие-то древесные опилки!».

– Что ты, там, шепчешь? – кричит мне Казанцев.

Я бросаю короткий взгляд в сторону напарника – он так и стоит на вездеходном следе. По такому снегу, тащиться следом за мной – его не очень-то заставишь.

– Да... Опилки, говорю! – кричу я ему, – Или солома! И... вот! Два зерна пшеницы! Целые!

– Пшеницы?! – озадачивается с дороги Сергей, – Ты же – с Сахалина! Ты, откуда пшеницу знаешь?

– Мы, в институте учили! – кричу я, в ответ, – На семинарах по сельскому хозяйству!

– Да? Ладно! – отзывается Казанцев и озадачивается, уже по другому поводу, – А, пшеницу он, откуда взял?! Кунашир! У нас – пшеничных полей нет!

Я, ещё раз, внимательно осматриваюсь вокруг... Я смотрю

на зёрнышки: «Пшеница... овес... лошадиная фамилия...». И тут, меня осеняет догадка: «Лошади! На этих бамбуковых пустошах, всю зиму, лошади паслись!».

– А, почему все решили, что он – медвежий?! – ставлю я вопрос, радикально, – Хм! Скорее – это лошадиный навоз! А, не медвежий...

– Лошадиный навоз! – кричу я Казанцеву, окончательно определившись с выводом, – Вот, что это! Медведь – он просто, выкопал из-под снега, навоз лошади!

Я разворачиваюсь от снежной ямы и делаю шаг, обратно. И проваливаюсь в снег почти по пояс!

– Блин! Да, чтоб всё сдохло! – грубо матерясь и психуя, через пять минут боя с метровым снегом, я трудно выбираюсь на вездеходный след, к Казанцеву.

Всё, дело сделано. Мы шагаем по побережью обратно, на Тятино...

Уже подтаявший снег, совершенно не держит вес человека! И мы, как две лошади, «бьём целину». Я, как коренной жеребец – первым. Казанцев крадётся по моим следам. Он легче меня на добрый десяток килограммов, он проваливается не так глубоко и не так часто...

– Да-ааа! Мои надежды, по медвежьему помёту, не оправдались! – тяжело дыша, думаю я, о своём, – Ну и чёрт с ним!.. Зато, какая загадка! Было очень интересно её разгадать!

И я ощущаю себя следователем. Как, там говорят? «Проанализировав информацию на месте происшествия, прихо-

дим к выводу, что...». Только, я – не ловлю преступников. Я расследую лесные происшествия. Я – лесной следователь. Думаете, здесь всё просто?! Ну, нет! Лесная жизнь полна таких первоклассных загадок, что далеко не каждый человек способен их разгадать...

Десятое апреля. Тятинский дом. Утро. На улице начинается чудесный весенний день! Своей парой с Казанцевым, мы решаем пройти по смотровой тропе, над Тятиной. Недалеко. Сейчас, по снегу, далеко не уйдёшь. Посмотрим на речную долину с высоты птичьего полета, проверим следы, проталины. В общем, посмотрим, чем лес живёт, понюхаем...

Всё! Тесак, в ножнах – на поясе, секция патронташа на восемь патронов – на поясе, ручка и дневничок – в кармане. Ружьё в руку, бинокль на шею. Я собран и готов. Мы выходим из дома.

– Кийяяя! – со стороны вулкана доносятся взвизгивания канюка.

– Кийяяя!

– Конюки! – я поднимаю к глазам бинокль.

Над тёмным морем хвойников у подножий вулкана Тятя, кругами ходят два сокола.

– Пара! – я смотрю в бинокль...

Один канюк плавно идёт вниз, на посадку...

– Хм! – хмыкаю я, – Не на вершину ёлки сел, а в середину кроны!

И тут же пожимаю плечом: «Оно и понятно. Канюк – лесная птица. Они – гнёзда строят не на вершинах деревьев, типа скопы, а именно в середине кроны хвойного дерева. В пихте или ёлке».

Сначала, нам нужно пройти до устья Тятиной. И мы сваливаем по нашей тропке с плато Тятинского дома к морю, на низкую морскую террасу...

Перед нами, знакомым ныряющим полётом, проносятся несколько ярко-зелёных птичек, в полёте мельтешащих жёлтым.

– Зи-ли-линь! Зи-ли-линь! Зи-ли-линь! – слышится такой знакомый, густой перезвон колокольчиков.

– О! Китайские зеленушки! – радуюсь я.

– Ага! – улыбается Казанцев, – Первая встреча в этом году! Пойдёт в Летопись природы!

Я делаю запись в своём полевом дневничке...

По водной глади Тятинской бухточки моря разбросаны чёрные точки уток.

– Сиииииии, Сиииииии, – над морем несётся их заунывный посвист.

Я подношу к глазам бинокль.

– Каменушки, турпаны, американская синьга... А, вот – гоголи! У них большие, белые щёчки...

– Синьгу я слышу, – соглашается Сергей, – Её свист нам известен...

Вот, мы выбираемся на смотровую тропу. Это гребень

речной долины. Слева, под нами простирается абсолютно голый, ещё покрытый метровым снегом, ивняк обширной поймы Тягиной. Сейчас, он так хорошо просматривается!

Нам даже удаётся немного протропить след медведя! Это молодой зверь трёх лет, «величиной с человека», как я говорю. Шаг за шагом, шаг за шагом...

Мы вываливаемся на уже освободившийся от снега склон высокого борта речной долины. Здесь, на проталине, я приседаю и беру в руки комок переплетённых мышкой соломинок и мягких травинок.

– Смотри! Медведь раскопал мышиное гнездо!

В двух шагах далее по склону лежит разбитый медведем трухлявый, берёзовый ствол, а ещё в двух шагах дальше – второй, такой же.

– Хм! – хмыкаю я, – Смотри, как интересно сгнивает берёза! Древесина ствола сгнивает, а береста коры – нет. Так и лежит на земле труба из бересты! Как-то раньше, я никогда, этого не замечал.

– Ну! – соглашается со мной Казанцев, – Как ракета. Действительно, труба!

Я озадаченно трогаю носком болотника берестяной цилиндр перепревшей берёзы: «Зачем он разбил эту гнилую валёжину? Может, насекомых, каких искал?».

– Ну, какие сейчас, насекомые? – отзывается Казанцев, – Ещё, только самые первые проталины!

– И то – правда! – киваю я, рыская глазами вокруг бере-

стяного цилиндра, в поисках жучков-мушек, – Нет ничего...

Вскоре, мы тормозимся на тропе, под раскидистыми кронами толстых пихт, на самом краю крутого склона речной долины. Прямо под нами, у подножия склона, я вижу медвежий след! Не трогаясь с места, я вынимаю из футляра бинокль и рассматриваю медвежьи следы «вооружённым» глазом...

– Средний медведь, – бурчу я, в бинокль, – Входной след.

– В смысле, сошёл вниз, в пойму? – уточняет Казанцев.

– Ну! – киваю я.

На чистом, белом снегу очень контрастно выделяется чёрная клякса.

– О! Помёт! – радуюсь я, в бинокль, – Это отлично!

Тут – биноклем уже не обойтись. Нужно спускаться вниз. Осторожно ступая, чтобы не ухнуть вдоль склона – в снег по шею, я крадусь по крутому, снежному склону, вниз. По пути, я отламываю от кустика гортензии, две палочки...

Вот и помёт...

Этот помёт – очень необычен! Он состоит из зелёных плетей водорослей, кусочков алых панцирей камчатских крабов и прочих продуктов морского берега.

– Ну и ну! – думаю я, – Этот медведь бродил по отливу... Здесь, до моря – больше двух километров!.. Так! Давность помёта – около суток. Значит, медведь бродил по отливу прошлым вечером.

– Ну? Что там? – подаёт с тропы, голос нетерпеливый Ка-

занцев.

– Водоросли! – я задираю лицо почти вертикально, в небо, – Иди посмотри! Разве, не интересно?

– Интересно! – отзывается тот, – Не интересно обратно подниматься!

– Вот, ты какой! – не по-настоящему, возмущаюсь я.

Я спокоен. С Казанцевым – так было и так будет, всегда...

Я снова склоняюсь над медвежьим помётом. Насколько я понимаю, морские водоросли – медвежий желудок совсем не переваривает...

Наконец, Сергей, не выдержав безделья, спускается ко мне.

– Ну? – подходит он ко мне, по снегу, – Что?

– Морская капуста! Он её – даже, не жевал! Посмотри!

– я подцепляю своей палкой-копалкой увесистую ленту бурой водоросли, – Вот, этот кусок – сантиметров семьдесят, будет! Как он его, целиком, заглотил?! Не представляю, даже!.. А, вот тот – лишь немного короче.

– Ну! Не жевал! Вот, дела! – соглашается напарник и тут же выгибает передо мной, своё тощее пузо, – Только, нужно говорить не «морская капуста», а «ламинария»!

– Ох, ох, ох! Какие мы, грамотные! – паясничаю я, в ответ, – Может, я так специально говорю? Чтобы тебе понятно было!

– Ха! Мне?! – Сергей фыркает, – Да, я – дипломированный фармацевт!

– Знаю! – широко улыбаюсь я, в ответ.

– А, это что? – Казанцев уже тычет пальцем в сторону по­мёта, – Панцири! Так, он крабов жрал?! Вот же, гад!

– Вряд ли! – успокаиваю я его, – Он – пустые панцири жрал. Помнишь, сколько кусков их, сейчас, на берегу валя­ется? Сразу за устьем Тятинки... Только, зачем они ему?! Пустые...

– Может, кальция не хватает? После зимы...

– Не очень-то похоже, – недоумённо, пожимаю я плеча­ми, – Он, ведь – не олень. Это – те, питаюсь одной травой, ис­пытывают нехватку минеральных солей. А, медведь – тварь всеядная. Он жрёт всё, что угодно! Да, к тому же, он всю осень – на рыбе жил! Какая нехватка минеральных солей?!

– Точно, – соглашается напарник, – Тогда, может, с голо­духи?

– Да, не сказать, чтоб с голоду, – снова пожимаю я плеча­ми, – Ты скажи мне – за все вёсны, сколько мы, медведей видели?

– Много!

– Вот! – поднимаю я вверх палец, – И все они – жирные и гладкие! Я не помню ни одного болезненно худого... Может, нажрался потому, что панцири запах имеют?

– В смысле, пахнут вкусно? – уточняет Казанцев.

– Ну! – киваю я.

– Нет там, никакого запаха! – возражает Сергей, – Мор­ская вода всё давно вымыла!

– Ну, тогда, не знаю! – я развожу руками.

В десяти метрах ниже нас, метровая толща снега обрывается обширной полыньёй. Это – исток маленького ручейка. Здесь, у подножия борта речной долины, выклиниваются грунтовые воды. Полынья пестрит ядовитой зеленью листьев калужницы. По самой кромке берега бледно зеленеют всходы белокопытника, стоит короткая щётка молоденьких ростков вейника.

След медведя тянется по снегу, напрямик к полынье. Следом за зверем, я спрыгиваю с метрового борта снега. Прямо в воду! Мне это безразлично – мы ведь, всегда в болотниках. Воды – сантиметров двадцать... По следу медведя, то там, то тут, видны скусы побегов белокопытника. Я начинаю их считать...

Пройдя, с работой, весь периметр полыньи, я выбираюсь обратно, на снег. Подхожу к Сергею: «Шестнадцать ростков белокопытника съел! Интересно, что рыхлую листовую пластинку – он не трогает! Только твёрдую, мясистую часть ростка ест – листовой черешок... А, больше – ничего другого! Ни калужницу, ни вейник! Не тронул, даже».

Глянув через меня на склон, тот застывает: «Медведь!». Я стремительно оборачиваюсь – шагах в тридцати, молодой медведь вышел на нас из-за поворота склона! Он стоит на крутом, травяном косогоре, с превышением метров на пять и спокойно рассматривает нас. Казанцев одним движением сбрасывает свой рюкзачок и присев, начинает торопливо

расстёгивать его карман.

Медведь – светло-бурый. Из рта животного, справа, торчит пучок только что сорванной им травы. Несколько раз деловито жеванув челюстями, медведь с видимым усилием проглатывает его...

Чтобы хоть немного продлить нашу встречу, я стою, замерев. У Сергея что-то не получается с фотоаппаратом. Я коротко оглядываюсь на него: «Ну, что?!».

– Да, как всегда! – злится тот, – Когда надо – не вытацишь!

Через несколько долгих минут, медведь, наконец решает, что мы ему достаточно попозировали. Отвернувшись от нас, он, шаг за шагом, начинает спокойно подниматься по травяному склону вверх, над нами. Поднявшись с десятков шагов, зверь останавливается и положив морду на своё правое плечо, снова внимательно рассматривает нас...

– Щёлк!

Сергей, наконец, щёлкает своим фотоаппаратом! Это, медведю категорически не нравится. Уже не оглядываясь на нас, он спокойно лезет вверх по крутому склону. В его облике угадывается оскорблённость. Мы не шевелимся, дожидаясь, пока медведь скроется за гребнем...

Теперь, можно действовать и нам! Мы шагаем к месту на склоне, где изначально стоял медведь. Вот! Чёткий отпечаток его передней лапы, на мягкой, весенней почве. Я приседаю на корточки и замеряю ширину отпечатка, рулеткой.

– Десять сантиметров!

– Молодой.

– Ну... Но, уже толстенький! Не голенастый, как велосипед, подросток! Ему три года.

– А, ты заметил? Пока он стоял к нам передом – то был соломенным, грязно-белым, а когда развернулся – то задняя половина туловища, у него – почти чёрная!

– Ну! Конечно, заметил!

В азарте, перебивая друг друга, мы делимся впечатлениями...

Обратно выбираться на смотровую тропу, круто вверх – нам не хочется. Ни от кого не таясь, мы шагаем по проталинам дальше – поперёк поймы, в сторону речки...

Со звенящего водными струями переката Тятиной, свечками, в небо взрываются криквы! Я не успеваю даже вскинуть бинокль к глазам!

– Кряя! Кряя! – в панике, голосит утка.

– Криквы! – запоздало выдыхаю я.

– Пять штук! – опережает меня Казанцев.

– Казанцев! Откуда...

– Записывай! – перебивает тот меня, принимая величественную позу.

– Да, ладно! – отмахиваюсь я, доставая свой дневничок.

Мы проходим ещё немного по снежной равнине поймы вверх по речке и снова выбираемся наверх, на гребень высокого борта речной долины. Отсюда, со смотровой тро-

пы, открывается отличный обзор! Особенно – с площадки над высоченным, почти отвесным обрывом. Здесь мы всегда немного задерживаемся, чтобы посидеть и посмотреть на природу, с высоты этой осыпи. Если что, здесь катиться вниз, до речки – метров двести...

– Карр!.. Карр!

Где-то далеко внизу, в пойме, чуть выше нашего обрыва по речке, лениво каркает ворона. Я медленно веду, на этот звук, круглое поле своего бинокля...

Но вижу лишь серость и сырость ранней весны. Речная пойма... Сейчас – это белые поляны снега с одиночными пауками мощных ив... Вот она, чёрная, извилистая лента речки! С метровыми надувами снега по берегам...

– Карр!.. Карр!

Движение чуть справа привлекает моё внимание! Я навожу бинокль: это орлан-белохвост! В несколько взмахов своих огромных крыльев, он взлетает со снежного надува речного берега, в крону стоящей рядом мощной ивы.

– О! Вижу орлана! – я приникаю к биноклю, – Сейчас посмотрим...

Рядом с ивовым баобабом, на который взгромоздился орлан, я отыскиваю ещё двух орланов! Эти – тоже белохвосты. Здесь, в трёх километрах от побережья, проталин нет. Зима. Весна, сюда, ещё не добралась... Обе птицы стоят на метровом, снежном надуве речного берега. Рядом с одним из орланов, на снегу чернеет крупная рыба.

– Карр!.. Карр! – редко и инфантильно, вскрикивают вороны.

– Ого! Какая! – удивляюсь я, передавая бинокль Сергею, – Смотри! Как кетина!

– Ага! – соглашается тот, наведя бинокль, – А, вот и вороны! Две штуки... Теперь понятно, почему они орут.

– Кеты у нас, весной, не бывает, – прикидываю я, – Значит, это – кунджа.

– Ну! – соглашается со мной напарник и удивляется тоже, – Ничего себе, кунджина!

Перескакивая в переплетении веток огромной ивовой кроны рядом с орланом, вороны не питают особых иллюзий насчёт скорой кормёжки.

– Карр!

Лениво каркая, вороны приготовились к долгому ожиданию.

– Эх! На месте бы всё осмотреть! – вздыхаю я, – Пальчиками потрогать!

Сергей, в ответ, скептически хмыкает: «Хм! А, потом – останется только обратно, сюда вот, выползти... Делов-то!».

– Ну, уж, нет! – категорически отрезаю я, глядя с огромного обрыва вниз, себе под ноги, – Я, здесь, погибать не собираюсь!

Так и оставшись незамеченными для птиц, мы удаляемся обратно, в сторону нашего дома...

Тягинский дом. Одиннадцатое апреля. Солнечное, чудесное утро. День обещает быть просто шикарным. Перейдя вброд Тягину по перекату выше устья, мы разворачиваемся вверх по речке и шагаем по краю надпойменной террасы. Этот, западный борт речной долины – совсем не высок...

Метров через семьсот, мы выходим к закоулку, заполненному тёмным языком пихтарника. Здесь, узким языком, речная долина глубоко выдаётся на запад, в междуречье.

– О! – восклицает Сергей, – Смотри, какой запупок!

– Чего?! – морщу я, нос, – Что, ещё, за слово такое, ты нашёл?! В русском языке!

– За-пу-пок! – смакую я, на слух, слово по слогам, – Ну, Казанцев! Ты, как выкинешь чего! Хоть стой, хоть падай!

– А, чего? – стоит на своём, ершистый Казанцев, – Запупок – он и есть, запупок!

– Ха-ха-ха! – смеюсь я, шагая по кромке террасы, – Запупок! Ха-ха-ха!

– Ладно, ржать! – останавливает меня напарник, – Вон! След медведя!

Метров через пятнадцать, мы подходим к медвежьему следу, на белом снегу.

– Молодой! – прикидывает Казанцев.

– Ага, – соглашаюсь я, – С человека. Лапка маленькая.

Здесь, вчера, медведь вышел в пойму, кормиться. Мы тоже разворачиваемся в пойму, по когтистому, снежному следу. Шаг за шагом...

У подножия склона речной терраски бьют роднички. Здесь уже открылись маленькие проталины. Едва ступив на землю, медведь начинает делать покопки. Я вытаскиваю свой полевой дневничок и начинаю подсчёт...

С лужи маленькой болотинки, при нашем приближении, срывается серая птица, величиной с голубя.

– О! Горный дупель! – вскидываюсь я.

– Я подумал – вальдшнеп! – отзывается Казанцев.

– Нет! Горный дупель! – отрицательно качаю я, головой, – Дыхан, прошлой весной, так сказал. Хотя я, сколько не пытаюсь понять разницу между вальдшнепом и горным дупелем – так и не нахожу! Дыхан, на это, сказал, что разница у них – чисто экологическая: вальдшнеп улетает на зимовку на юг, а горный дупель всю зиму ютится по таким вот, незамерзающим болотинкам.

– Дыхан – орнитолог, – соглашается Сергей, – Ему виднее...

Мы шагаем по снежному медвежьему следу, через закоулок...

Скоро выходим на обширную поляну, среди языка пихтарника. По насту, мы шагаем уверенно и твёрдо, как по асфальту.

– Взик! Взик!

– Взик! Взик!

За сегодняшнюю ночь подморозило, и крепкий, льдистый наст лишь звонко хрустит под резиновыми каблуками наших

болотных сапог...

Впереди, на снегу, чернеет кучка!

– О! Помёт! – ещё издали, радостно горланю я.

Для меня, это – научный материал.

– Сейчас! Поковыряю его палочками...

Но... жидкий помёт, за ночь, застыл на поверхности наста тонким, чёрным блином. Попробуй – поковыряй! Камень! Но, для меня, эта проблема – уже пройденный этап. Я спокойно вытаскиваю из своего рюкзака пачку новеньких полиэтиленовых пакетиков и загружаю в один из них выломанный палкой из наста, блин помёта. Засовываю пакетик себе в рюкзак. Скоро пригреет солнце и пока мы, к вечеру, приползём домой – этот помёт будет в самом, что ни на есть «рабочем состоянии»...

Я стою и созерцаю красоту. С веток деревца, перед моим лицом, свисают жёлтые серёжки! Это – цветёт ольха волосистая. Та, что на Кунашире образует сырые ольховники, по которым мы, так упорно, день за днём, шлемся с напарником...

Я круто сворачиваю в пойму – теперь, нам нужно пересечь речную долину и уйти под вулкан, в сторону Ночки...

Уже близко речка Тятина. Впереди, свечами вверх, ивняк пробивает пара крякв!

– Кря! Кря! Кря! Кря! – надрывно орёт утка.

– О! – вздрагиваю я, от неожиданности, – Кряквы!

– Конечно, кряквы. Как их, спутаешь?! – скептически от-

зывается Казанцев, – Орут, как недорезанные!

Мы стоим и провожаем глазами улетающих уток...

– Может, там – ещё что осталось? – спрашиваю я и предлагаю, – Давай, потише?

– Давай, – соглашается Казанцев, – Может и осталось.

Мы осторожно подкрадываемся к речке. Выше нас, взору открывается широкая и длинная яма! Вплотную к воде, по обоим берегам речки, стоят высокие стены молодого ивняка. С самого начала ямы, как бабочки, мельтеша белыми зеркальцами на крыльях, вниз по речке, нам навстречу стартует целая ватага крохалей! Как торпедоносцы, красиво и сильно, эти крупные утки взлетают по ивовому тоннелю речки, мимо нас. Торопливо, тройками, я считаю их: «Три, шесть, девять, двенадцать, пятнадцать...».

– Восемнадцать штук! – оборачивается ко мне Сергей.

Я не шевелюсь – мимо моего лица, как на параде, в бешеном напряжении проходит птичья эскадрилья...

– Восемнадцать... – наконец, я запоздало киваю головой, продолжая заворожённо смотреть вслед чёрно-белому мельтешению.

– Красиво как! Сила и мощь...

Моя рука, сама, тянет из кармана полевой дневничок. Большой крохаль – как гусь, это самая крупная утка на Кунашире...

– Ке-ке-ке-ке!

Уже перейдя речку по перекату, далеко позади, мы слы-

шим короткие, пронзительные и такие неприятные для человеческого слуха, скрипучие крики большого пегого зимородка. Я злорадно усмехаюсь в бородку: «Зимородок!.. Хм! Проснулся... Визжи, теперь, хоть тресни! Мы уже уходим с речки!».

Скоро, мы выходим к ольховнику Банного ручья. Это – совсем рядом с нашим домом. Можно сказать – наши задворки...

На снегу, между обширными проталинами, мы, ещё издали, замечаем след медведя. Подойдя, останавливаемся над ним. Я достаю рулетку и приседаю...

– Передняя лапка – четырнадцать сантиметров. Средний, взрослый медведь.

– Ага! – соглашается Казанцев, – Уже не трёхлетка, но и не матёрый.

Этот медведь сильно накрутил, кормясь по проталинам, под ольховником.

– Кормился, – киваю я на покопки.

– Вот же, какой! Не боится! – в свою очередь, кивает на наш дом Казанцев, – Здесь – метров сорок!

– Ну... – прикидываю я и оправдываюсь, – Он ходил вчера вечером, по темноте. Поэтому и не боялся.

Присматриваясь к медвежьим следам, мы шагаем по ольховнику. Чёрная грязь сочно чавкает под нашими сапогами...

– Тридцать восемь покопок лизихитона! – радуюсь я сво-

ей арифметике, – Он поел вполне прилично!

– Всё! Конец кормёжке, – через минуту, оглядываюсь я вокруг, – Ладно, пошли дальше, к Ночке...

По голым сейчас, от лопухов, просторам повсюду из земли торчат вечнозелёные, груборебристые листья. По своей фактуре, они напоминают жёсткие листья бамбука, но только, эти – тёмно-зелёные.

– О! Кремастра!.. Серёж! Смотри! – подзываю я напарника, – Кремастра изменчивая! Из орхидных. В июле цвести будет. Кистями крупных, тёмно-красных колокольцев!

– Значит, орхидея? – улыбается Казанцев, – Сколько её! Она, здесь, повсюду растёт!

– Ага! – я наклоняюсь и трогаю пальцами ребристый, грубый лист кремастры, – Старая знакомая...

Мы подходим к тёмной, сплошной стене хвойника. Здесь идёт медвежья тропа, к Ночке.

По медвежьей тропе, мы шагаем через обширный массив хвойника...

Напрямую перевалив через распадок Ночки, мы выходим в точно такой же, как на нашем Банном ручье, сырой ольховник. Здесь повсюду темнеют проталины, блестят на слепящем глаза, ярком солнце, лужи талой воды. Но, большая часть здешнего ольховника – пока, скрыта под снегом...

Вот, впереди, сквозь переплетение веток ольховника, серебрится розлив подпруженного ниже снежной плотиной, ручья. Мы – не выбираем. Мы бредём, в своих болотных са-

погах, напрямую...

Передо мной, в воде, у снежного заберега, покачивается студень лягушачьей икры. По колено в холодной, талой воде, я наклоняюсь и удивлённо разглядываю кладку лягушки.

– Серёж! Иди, посмотри! – окликаю я, вильнувшего чуть в сторону, напарника, – Лягушачья икра! Ещё заморозки будут, да и метель может сорваться! Снег ещё, кругом лежит! А, лягушка – уже отметала!

– Тут – она сама лежит! – отзывается тот, – Дохлая!

Я бросаю разглядывать кладку и бреду, по затопленному ольховнику, к Сергею... На снегу, разбросав в стороны все четыре лапки, без движения, лежит дальневосточная лягушка. Казанцев трогает её веточкой: «Что, это, она? Дуба врезала...». В ответ, я недоумённо пожимаю плечами: «Не знаю!». Мы шагаем дальше...

По густому, хоть и голому сейчас, ольховнику, сразу за прудиком, наследил медведь.

– А, медведь – хорроший! – уважительно киваю я на следы от когтистых лап, на снегу.

– Ага! – соглашается Казанцев, – Не мелочь пузатая.

Глубокие отпечатки медвежьих лап и там и тут, красуются на мокром, весеннем снегу. След очень свежий, просто горячий! Стараясь не шуметь, мы осторожно шагаем по следу...

Я не забываю считать покопки.

– Этот медведь кормится только лизихитоном! – приглушённо говорю я, – Вот! Эта покопка – уже шестидесятая!

– Вот, это, да! – озадачивается Сергей, – Сколько же, ему, надо?

– Не знаю, – признаюсь я, всматриваясь в заснеженный ольховник впереди нас, в надежде увидеть среди частокола тонких стволиков тёмную фигуру медведя, – Мы ещё только собираем информацию. Ещё работать и работать, прежде чем будем знать.

Мы шагаем по медвежьему следу, среди ольховника, дальше...

Но, вскоре, останавливаемся – по следам на снегу я вижу, что спокойно идущий медведь, сорвался в галоп и большими прыжками ушёл от нас вперёд, по широкой дуге подворачивая вправо, к чёрной стене пихтарника.

– Вот и всё! – констатирую я, очевидное, – Нас подхватил, собака! Дальше – нет смысла тропить. Ни покопок, теперь, не будет, ни-че-го... Ну, ладно. Спасибо и на этом.

– Что дальше? – глянув на свои часы, интересуется Казанцев, – Сейчас – уже пятнадцать минут пятого! Вываливаем на побережье, да домой?

Я согласно киваю головой. От завтрака, прошло уже столько времени! Да и по лесу намотались – дай бог, как. Скорее бы до дома дойти, поесть бы, да посидеть немного...

Тятинский дом. Сергей топит печку – варит нам, чай и кашу. А у меня, пока ещё не вечер – есть работа. Меня ждут собранные утром, два медвежьих помёта. Я надеваю тонкие, резиновые перчатки. Белый пластиковый поддон, ведро во-

ды из ближайшей лужи, палка, пинцет в руки – вот и всё, что мне нужно...

– Саня! Сейчас, уже всё сварится! – через полчаса выходит из дома Сергей, – Как, у тебя?

– Девяносто девять процентов помёта – это кусочки лишихитона, – объясняю я результаты своей экспертизы, – Остальное составляют мелкие примеси, в виде случайных хвоинок, щепочек, прошлогодних травинок...

– А, вот это – особенно интересно! – я гордо показываю Казанцеву мышиный хвостик, подняв его пинцетом с поддона.

– Так, всё-таки, он ест мышей! – смотрит Сергей на хвостик.

– Хвостик короткий. Это полёвка! У домовой мыши – он гораздо длиннее! – радостно поправляю я его, – А, ещё – я нашёл, в медвежьем помёте, её резцы! Так что, теперь – это уже не просто наши теоретические предположения, а предметное подтверждение того, что медведи едят мышей!

Тятинский дом. Девять часов утра, утренний сеанс связи. На дворе – чудесное утро! Мы, срочно, собираемся в лес. В процессе одевания в рабочую одежду, растапливаем печку и торопливо греем на плите вчерашнюю кашу и чайник. Сегодня, мы решаем посмотреть, что делается на проталинах большой сопки, ограничивающей речную долину речки Саратовская, с запада.

– Саш! Сегодня – тринадцатое! – хитрит Казанцев, – Несчастливое число!

– Серёж, бойся бога! – отмахиваюсь я, – Погляди на небо! Такой день наступает! Ни облачка!

Через несколько минут, мы уже выходим из дома. Наш путь лежит на запад, в сторону устья Тятиной...

Мы торопливо шагаем по колеям нашей, уже заросшей зелёной травкой, дороги...

После речки, быстро проходим пять километров по побережью океана. Вот впереди и обширные, бамбуковые пустоши устья Саратовской. Надо осмотреться вокруг. И я поднимаю к глазам бинокль...

На прошлогодней былине борщевика бойко раскачивается мелкая, чёрно-белая птичка, с чисто-чёрной головкой и ярким, охристым горлышком.

– Чекан черноголовый! – улыбаюсь я и протягиваю бинокль Сергею, – На, глянь! А я, пока, запишу.

– Ну! – соглашается Казанцев, глядя в бинокль, – Чекан! Первая встреча в этом году. Обязаны отметить в Календаре природы заповедника.

Мы сворачиваем от побережья вправо, на тропу, ведущую через бамбуковые пустоши, к далёкому хвойному лесу. Там – лесная опушка Саратовского кордона...

На кордоне никого нет. Наскоро хлебнув холодного чая за кухонным столом, мы торопливо выходим на высокое крыльцо – нам нужно скорее в лес, день занимается, очень уж сол-

нечный...

С поляны кордона мы не сваливаем в пойму. По твёрдому насту, мы шагаем вверх по речной долине, по просторам надпойменной террасы Саратовской. Мы стремимся отыскать свободное от деревьев место, откуда будет удобно осмотреть в бинокль, весь длиннющий западный борт речки. Этот склон имеет юго-восточную экспозицию, поэтому – он самым первым освобождается от снега. Уже сейчас, когда равнинные ельники и ивняки речных поем, ещё под завязку забиты мощным слоем снега, просторы этого склона темнеют обширными проталинами...

Метров через четыреста от кордона, мы выходим на медвежий след.

– Какой след! – я пристально разглядываю ледяные отпечатки медвежьих лап, – Вчера прошёл, под вечер.

– Почему? – вопросительно поднимает свои брови, Казанцев.

– Смотри! Сейчас одиннадцать часов, мы стоим на твёрдом насте. А, он – давил мокрый, подтаявший за день, снег. Проваливался в него на семь сантиметров... Смотри, как он пальцы расширял, чтобы глубже не проваливаться! Значит – шёл по размягчённому за день насту, под вечер... А, за ночь, эти следы замёрзли. И теперь – они такие ледяные.

– Логично, – соглашается Казанцев и кивает по ходу движения зверя, – Смотри! Он напрямую режет речную долину, в направлении западного борта!

– Ну. На проталины борта пошёл, – соглашаюсь я.

– Понятно, что на проталины! – отмахивается нетерпеливый Казанцев, – Я спрашиваю – откуда он, стоя здесь, посреди сплошных снегов, знает, что там, в двух километрах, уже есть проталины?! Ладно, мы! Мы – в бинокль, их видим, а он?

– Я думаю, что он, о проталинах, просто знает. Это – его участок. Он знает, где на его участке, нужно искать первый корм по весне. Он всю свою жизнь здесь живёт.

Медвежий след тянется прямиком в широченную, забитую снегами речную долину Саратовской. Я вынимаю из кармана, свою рулетку...

– Ширина передней лапки около пятнадцати сантиметров! Точнее, по снегу, не замерить.

– Крупный, – комментирует Казанцев.

– Ну.

Постояв немного в раздумье насчёт того, тропить или не тропить, мы решаем не отвлекаться от первоначальной задачи сегодняшнего дня. И продолжаем свой путь, по просторам надпойменной террасы, дальше...

Я, очередной раз, поднимаю бинокль. Я смотрю далеко, через речную долину. Веду полем бинокля по проталинам западного борта...

Уже почти полдень и весеннее солнце припекает откровенно жарко. Под его лучами, комочки зернистого снега, на чёрной резине моих болотников, быстро превращаются в

капли воды...

– А, вот и мед-вее-диии! – облегчённо тяну я, улыбаясь в бинокль.

На проталине, в средней части склона Борта, пасутся два медведя – медведица и медвежонок. Медведица – изящная, стройная. Медвежонок – уже, подросток. Как все в этом возрасте, он голенаст, длинноух и нескладен.

– Медведица красивая! Прямо, как картинка, – я передаю бинокль Казанцеву...

Медведи тянут строго вверх по склону Борта. Неторопливо переходя с места на место, медведица копает весенние ростки трав. Медвежонок откровенно лоботрясничает: подойдя к мамаше и повернувшись спиной к склону, он садится посреди проталины. Он сидит столбиком на весенней прелой листве и смотрит вниз, на тёмное море хвойного леса, на обширные, забитые снегом ивняки речных долин...

– Созерцает весенний мир! Да-ааа, вид от него, сейчас – так шикарен! – понимаю я медвежонка, – И Саратовка! И Тятинка! И сам вулкан Тятя... Всё перед ним стоит, во всей своей красе и необъятности! Леса, леса и леса... Целая страна лесов!

Тем временем, медведица покидает эту проталину. Она ступает на снежную перемычку между проталинами. Нехотя оторвавшись от созерцания окрестностей, медвежонок поднимается с насиженного места и идёт догонять свою мамашу, прямо вверх по склону...

– Интересно, что, на снегу – он шагает точно след в след по следам медведицы! – прицениваюсь я, в бинокль, – После них, на снегу, остаётся только одна строчка!

Я передаю бинокль, молча ожидающему рядом, Сергею. Теперь – его очередь комментировать медведей...

Мы наблюдаем за медведями в бинокль, пока те не скрываются за гребнем Борта, перевалив эту, такую высоченную, сопку.

– Ну, что? Пошли! Посмотрим, что они ели, – объясняю я Казанцеву «фронт работ».

– И надо же им, было лезть! Всё вверх и вверх! – искренне негодует тот, – Нет, чтобы вдоль склона пройти!

Выбирать маршрут нам не приходится. Нужно валить через речную долину. По прошлым годам, мы прекрасно знаем, как, самым рациональным способом, пройти к подножию западного борта. Здешний, необъятный массив ельника напрямую пересекается узкой лентой ольховника. Здесь струится небольшой ручей. Сейчас, ольховник этого ручья забит снегом, который за ночь становится крепким настом. Мы ходко шагаем через ельник по этой ленте ольховника, как по просеке... Хорошее дело – наст! Мы с лёгкостью проходим густой и такой обширный, ельник, насквозь...

Вот и подножие склона Борта. Вдоль него, лес разрывается, сначала – просторами марей, покрытыми по краям чахлой порослью того же ольховника, а затем – широкой полосой пустырей будущего высокотравья. Сейчас, весной, здесь

– снежная целина...

У первой же проталины, мы выходим на след крупного медведя!

– Ого! – удивляется Казанцев, – Ка-кой!

Я вытаскиваю рулетку из кармана и замеряю ширину отпечатка передней лапы: «Девятнадцать сантиметров! Да-аааа... Смотри, как широко лапы ставит! Здор-ровый!».

Медведь бродил по проталинам. Перебираясь с одной обширной проталины на другую, он то и дело проваливался в снег на всю длину своих ног! Мы сразу сворачиваем на этот след...

Шаг за шагом, след за следом...

Вот! На снегу лежит труба прошлогоднего стебля дудника медвежьего. По следам на плотном снегу, я вижу как, подойдя к вертикально стоящему на пустыре, словно кол в поле, стеблю дудника, медведь повалил его на снег и наступив на комлевую часть передней лапой, раздавил эту трубу.

– Ну, даёт! – качаю я головой, – Она же – крепкая, как палка! А, он её – жамкнул, как картонку!

– Что ты хочешь? – возражает мне Казанцев, – В нём веса – как в хорошем быке!

Я понимаю медведя – он искал в трубе сочную сердцевину. Дудник – обычный осенний корм медведей.

– Хм! – хмыкаю я, – Вот, дурак!

– Почему? – не понимает меня, Сергей.

– Он не знает, что в ней уже ничего нет! Что эта труба,

за зиму, одревеснела! – разъясняю я, – Представь себе! Осенью он кормился сочной сердцевиной этого дудника. Лёг в берлогу. А сейчас – проснулся, осмотрелся вокруг, вздохнул и опять пошёл... кормиться дудником! Словно, поднялся с ночной лёжки! Он не понимает, что прошла не одна ночь, а четыре месяца зимы!

– Мы с тобой, тоже, ночей не видим! – понимает по-своему, Сергей, – Так за день вымотаешься, что вечером на нары ляжешь, а утром – очнёшься. Ночи – вообще, не было!

– Ну, да! – соглашаюсь я с ним, – Только, у нас – одна ночь, а у него – целая зима...

Между делом разговаривая со своим напарником, я внимательно осматриваю медвежьи следы на плотном снегу, вокруг дудника. Снег о многом говорит мне! По следам – я вижу, что так ничего и не обнаружив в трубе дудника, медведь оставил её в покое. Я не удерживаюсь от соблазна и трогаю пальцами дырки от медвежьих клыков и когтей в твёрдой как камень, «деревянной» трубе. Я шагаю по медвежьим следам дальше. Шаг – след, два – след...

Пустые и очень прочные, прошлогодние стволы дудника, словно трёхметровые столбики, повсюду стоят по заснеженным полянам. Поодиночке. Наш медведь, напрямиком направляется к другому дуднику. Мы шагаем следом...

Мы всё так и шагаем по снежным медвежьим следам...

В психе разбив очередной ствол дудника в щепки и даже, разметав куски трубы далеко по снегу, медведь напрямиком

направляется к следующему...

– Ну-ну! – киваю я, – Смотри – злится! Дурачина... Никак понять не может, почему в дуднике нет ничего съедобного! Которую, уже, трубу разбивает!

– Седьмую! – отзывается Казанцев.

– Что? – оборачиваюсь я, на голос.

– Ты спросил, сколько труб он разбил! – не упускает шанса показать свою желчность, Казанцев, – Так, я говорю тебе, что эта – уже седьмая!

– Да? – озадачиваюсь я и киваю, – Понятно!

Мы шагаем по медвежьему следу, дальше...

– Большой, а тупой! – бурчу я, на ходу, – Теперь, пока все дудники в округе не разобьёт – не успокоится! Когда же, до него, дойдёт?!

Я стараюсь попасть ногами в, так широко расставленные, лунки медвежьих следов. По снежной целине, так двигаться, нам – гораздо легче.

– Саня! Дальше – всё одно и то же! – канючит сзади Казанцев, – Уже – ничего для нас, нового! Может, выше поднимемся?

Я останавливаюсь и перевожу дыхание. Мне нужно подумать...

– Да, – очередной раз с шумом выдохнув воздух, киваю я, – Давай! Здесь, мы вряд ли ещё что, новое, найдём... Пошли тропить медведицу с медвежонком!

Мы бросаем слоновьи следы медведя-здоровяка и свора-

чиваем вверх, на склон Борта. Шаг за шагом, мы лезем всё выше и выше...

На обширной проталине в средней части склона сопки, мы отыскиваем следы пребывания нашей медвежьей семьи. Я, первым делом, достаю свою рулетку...

– У медведицы лапка – двенадцать сантиметров! Сейчас, у медвежонка посмотрю... Девять сантиметров! Медведица маленькая, молодая. То-то, в бинокль, она смотрелась такой изящной.

Шагая по следам медведицы, я начинаю искать её покопки. А Сергей падает на тёплую почву проталины...

Вот, первая из покопок! Это – узкая и глубокая лунка в нагретой солнцем, сочной почве. Никаких остатков съеденного медведем растения – нет! Аккуратно обкопав росток когтём, медведь скусил его вместе с корневищем.

– Так, – задумываюсь я, стоя перед лункой на коленках, – Как же узнать, что она здесь съела?

Я осторожно, двумя пальчиками, поднимаю с края лунки тоненькую, прозрачную плёночку, напоминающую прозрачную луковую чешуйку, какие мы рассматривали под микроскопом на семинаре по сельскому хозяйству и подношу её к носу. Резкий, неприятный запах заставляет меня сморщить нос: «Фу ты, чёрт! Симплокарпус!». Раз понюхав, этот запах уже ни с чем не спутаешь.

– Серёж! – радостно оглядываюсь я на напарника, – Это симплокарпус!

– Что?

– Она жрёт симплокарпус!

Совсем не зря, научное название этого растения – «симплокарпус вонючий»! У него резкий, оригинальный запах... В отличие от родственного ему лизихитона.

Я отыскиваю очередную лунку медвежьей покопки. Привалившись на бок на нагретую солнцем, прелую листву склона, я повторяю операцию по выявлению запаха...

– Тоже симплокарпус! – сообщаю я переместившемуся чуть ближе ко мне, Сергею и протягиваю ему блёклую плёночку, – На, понюхай! Мозги прочищает – не хуже нашатыря!

– Сам нюхай всякую гадость! – отзывается тот, развалясь на солнышке, метрах в пяти выше меня по склону.

– Ха-ха-ха! – смеюсь я, в ответ, – Ну и едкий ты, Казанцев! Ты сам – симплокарпус!

– Какой есть! – сразу слышится в ответ его задиристый, тонкий голос.

Но, я это уже не слушаю. Я работаю...

Так, принюхиваясь к каждой медвежьей покопке, я шагаю от одной лунки к другой, по проталинам среди высоких кустов ольхи, по крутому склону. На прелой листве – медвежьих следов, практически, не остаётся! И я вычисляю направление движения медведей – по покопкам. Узкие лунки на фоне прелой листвы и веточек весенней проталины почти незаметны и я с трудом удерживаюсь на направлении движе-

ния медведей.

Вот и конец этой проталины. Следующая проталина расположена прямо над нами по склону. Медвежий след тянется через широкую снежную перемычку, прямо вверх. Шагаю на снег и я...

Медведей было два, а след – один! Но я, в троплении – «профи»! Меня, на мякине, не проведёшь!..

Но след, действительно, один! Один за другим, я тщательно изучаю когтистые отпечатки медвежьих лап, на плотном снегу. И пальчиками кромочки углублений трогаю, и каждую снежинку со всех сторон рассматриваю... Разве что, на язык не пробую – и не замечаю никаких признаков того, что это – прошли два медведя, а не один! Удивительно! Удивительно...

– Сергей, смотри! – обращаюсь я через плечо, к Казанцеву, – След – один! Если бы я не видел сам, в бинокль, что медведей было два – я бы, даже не заподозрил это!

– Может, это след только медведицы, а медвежонок где-то стороной прошёл? – предполагает тот.

– Ну, не знаю! – пожимаю я плечами.

Внимательно всматриваясь в каждый отпечаток медвежьей лапы на размягчённом насте, я, не спеша, шагаю рядом с медвежьим следом. И только удивлённо качаю, после каждого отпечатка, головой. Десять отпечатков, двадцать... Никаких сомнений в том, что – это след одного медведя!..

Но, вот! Любопытного подростка чем-то заинтересовали

веточки маленького кустика ольхи, едва выглядывающие из-под снега, в метре левее. И медвежонок сходит со следа машины и отправляется обследовать кустик. И только здесь! Когда следы медведей расходятся, я вижу, что этот след оставили, действительно, два медведя!

– Как так?! – никак не могу я, с этим, смириться, – Что его заставляет ступать след в след так аккуратно?! Словно задался целью ввести в заблуждение возможных преследователей! Сейчас, наст очень хорошо держит вес медведей – он мог бы шагать просто рядом со следами медведицы! Или, хотя бы, не так «чисто» ставить свои лапы в её отпечатки! Но, нет же!

– Что ты всё возмущаешься? – не понимает меня напарник, – Как хотят – так и шагают! Не всё ли равно?!

Я замолкаю и дальше шагаю рядом с медвежьим следом молча.

– Да, Казанцев! – с сожалением, думаю я, – Тебя, лесные проблемы, не интересуют!

Так, от проталины к проталине, я распутываю зигзаги медвежьих набродов. Мы поднимаемся все выше и выше по склону...

Вот и вершина сопки, самый гребень Борта! Здесь – глаза слепит искрящийся под лучами весеннего солнца, многометровый надув снега. Огромный! Айсберг! Целая гора плотного, крепкого снега, на вершине сопки! И эта гора нависла в нашу сторону...

Пряником, практически по вертикали взобравшись по этой нависающей стороне надува, наши медведи ушли через его гребень.

– Как они, смогли?! Так! – задрал лицо вверх, я стою перед почти вертикальной белой стеной снежного айсберга и хмурю брови.

– А что, им? – возмущается Казанцев, – У них когти! Они – как альпинисты на кошках!

Как здесь, круто! С трудом вбивая плотные носки своих литых болотников в этот фирн и вцепляясь пальцами в любые выбоинки наста, мы с большим трудом вскарабкиваемся на надув...

Стоим и озираемся по сторонам:

Округлая вершина нашей длинной сопки и весь её западный склон – завалены, по-зимнему рыхлым, глубоким снегом! Только заснеженные лапы пихт выглядывают из этого белого одеяла... Здесь – полная, полнейшая зима!

– Ну что, нам? – возмущается Казанцев, сзади, – В снегу теперь, по пояс барахтаться?!

Я тоже понимаю, что это – всё. Наше тропление этой медвежьей семьи завершено. Я разворачиваюсь обратно...

Мы выбираемся из рыхлого снега, обратно. Немного побродив по утрамбованной ветрами поверхности надува, мы осторожно сваливаем по его краю обратно, на обширную стену южного склона Борта...

Шагать вниз, по крутому склону – так легко! Выворачива-

ьясь из-под наших чёрных сапог, комья подтопленного солнцем снега катятся по крутому склону вниз. Раскручиваясь всё сильнее и сильнее, они вылетают на проталины! Брызжут фейерверками белых искр по бурой прошлогодней листве горячих от солнца, проталин! Я, улыбаясь, стою и смотрю на это чудо.

– Ха! – улыбается рядом, Казанцев, – Белые искры по чёрной земле! Оригинально!

Вот и подножье Борта. За время нашей работы на вершине, метровая толща снега превратилась в кисель! И мы, буквально плывём по этому, набрякшему водой, снегу...

Постепенно перед нами вырастает тёмная стена необозримого массива Саратовского ельника. Вот мы входим под его кроны...

Здесь нас ждет неприятный сюрприз! Под ельником, где всегда тень, все заполнено глубоким снегом. И этот снег – вообще рыхлый! Как пух. Здесь всё ещё стоит, господствует настоящая зима!

– Пока на Саратовку выйдем – погрём семь раз! – бурчу я, через пяток минут тяжёлого боя со снежной толщей и предлагаю Сергею, – Давай, свернём на Перевальный?

– Давай! – соглашается тот, – Сюда – ближе. И... по ивняку Перевального стоит наст! Легче будет.

Мы разворачиваемся вправо, вдоль подножия Борта. Казанцев легче меня, он проваливается выше колена. Меня, снег – вообще, не держит!

– Блин! Да, чтоб всё сдохло! – грязно матерясь и психуя, я, как кабан, просто тараню снежную толщу, местами проваливаясь по пояс. По пояс!..

Метров через триста, тяжело дыша, мы, наконец, показываемся на краю узкой поймы ручья Перевальный. Это приток Саратовской, нам по пути. Я вытираю мокрое от пота, горячее лицо рукавом и в изнеможении прислоняюсь к серому стволу ближайшей пихты. Сердце часто долбит где-то в горле...

Доступная солнечным лучам, пойма Перевального уже начала освобождаться от снега. Здесь, между проталинками, наследил молодой медведь! Присев над следом, я измеряю рулеткой ширину отпечатка его передней лапы.

– Двенадцать сантиметров. Какой свежий! Только что, тут был!

– Может быть, от нас и ушёл, – резонно предполагает Казанцев.

Солнце, на небе, уже перевалило за полдень. Командирские часы, на моей руке, показывают половину третьего. Шагая рядом со следом медведя, мы выходим на протянувшуюся по берегу ручья проталину. Я тщательно её осматриваю...

И отыскиваю три, скушенных этим медведем, ростка белокопытника! Всего три...

– Не густо. Белокопытника на проталине полно, а он – всего три штуки съел, – рассуждаю я, шагая дальше, – Видно, не голодный.

– Может, мы его и сорвали! – возражает Казанцев, – Не дали размахнуться...

К вечеру, мы уходим с Саратовского кордона, добираемся до своего Тятинского дома.

На следующий день, у себя на Тятино, мы закладываем круговой маршрут по ближнему лесу...

И практически сразу, рядом с нашим домом, в ольховнике Банного ручья, натываемся на след молодого медведя!

– Это – наш, местный, – улыбаюсь я, – Мы живём на его участке.

– Угу, – соглашается Казанцев.

Просторы сырого ольховника забиты метровым слоем снега! В узких, снежных траншеях звонко журчат, не замерзающие всю зиму, ручейки... Наш медведь бродил прямо по воде этих ручейков! И выкапывал лизихитон из сочащейся талой водой дернины их берегов. Насчитав восемнадцать подкопок, мы бросаем след и уходим в своём направлении...

За ольховником, посреди обширных пустырей будущего высокотравья, от снега уже очистилась обширнейшая поляна! Нас привлекает площадка свежей почвы. По ходу движения, мы подворачиваем к ней...

На чистой земле, я внимательно разглядываю отпечатки маленьких, словно кошачьих, лапок.

– Соболь?! – удивляюсь я, – А он то, что тут наворотил? Сколько земли! Прямо, раскопками занялся!

– Нет! Он на мышей охотился! – смеётся Казанцев, трогая чёрным носком своего болотника соломенный шарик мышинного гнезда, валяющийся рядом...

По обширным полянам, то здесь, то там, нам встречаются поковки лисиц. Их довольно много.

– Мышкуют! – улыбаюсь я, сторожко «стреляя» глазами по сторонам...

А вот! На снегу – след зайца! Мы тут же подворачиваем к нему.

– Свежий!

– Ну. Прямо перед нами проскочил! – улыбаюсь я.

– Кийяяя!

– Канюки! – вздёргиваюсь я.

– Ага! – кивает Казанцев, – Вон, они!

– Кийяяя!

Тонко и отрывисто взвизгивая, над хвойным лесом, что у нашего Тятинского дома, кругами ходят два сокола. Птицы очень светлые, почти белые... Чуть погодя, один за другим, канюки снижаются над хвойником и усаживаются на одну из пихт. Я опускаю свой бинокль...

Мы огибаем заснеженные ольховники по полянам. Здесь, снега – гораздо меньше, всего сантиметров двадцать. На белейшем снегу, перед моим болотным сапогом, красуется сгусток кладки лягушки! Я удивлённо оглядываюсь по сторонам – но, поблизости нет ни малейшей проталинки! Не говоря уже о том, что лягушке нужна, для этого дела, хотя бы

небольшая лужица.

– Хм! Лягушачья икра! – хмыкает из-за моей спины Казанцев, – Кругом снега – почти по колено!

Присев на корточки, я озадаченно трогаю пальцем студень лягушачьей кладки.

– Обычная... Сереж, самая обычная, лягушачья икра! Как, всё это, понимать?!

Вечереет. Я шагаю от дома, по дороге, в сторону моря. За водой. Так, я и спускаюсь с плато высокой морской террасы, по колее заросшей дороги – ружьё за спиной, в каждой руке – по ведру. После короткого спуска на низкую морскую террасу дорога сворачивает вправо, в сторону устья Тятиной. А в сторону Банного ручья, влево, уходит тропинка. Я оставляю ведра на развилке и крадусь к близкому отливу океана...

А вот и вороны! Заметив меня, они срываются с завалов морского берега и торопливо удирают прямо в океан – там, на другой стороне нашей мини-бухточки, из воды торчит цепочка одиночных, обкатанных морем, валунов. Я ловлю на мушку одну из ворон.

– Та-ахх!!!

Приклад сильно толкает в плечо и ворона проваливается с линии прицела, вниз. Немедленно вывернувшийся откуда-то, орлан-белохвост, снижаясь по дуге, аккуратно снимает чёрный комок вороны с поверхности воды!

Я опускаю ствол ружья и поднимаю к глазам свой бинокль – в оптику наблюдать гораздо интереснее. Отлетев на грядку

выступающих в океан валунов, орлан грузно приземляется на один из них. Наступив на добычу одной лапой, он начинает рвать её клювом...

Вот орлан, контролируя обстановку, вскинул голову и застыл в своей гордой, королевской позе. Из его клюва, во все стороны торчат чёрные, вороньи перья...

Но, вот появляется второй орлан-белохвост! Снявшись с присады на вершине ближайшего к нам, высокого мыса слева, он, по пологой дуге, решительно планирует на гряде валунов. Первый орлан уступает ему свой валун. Грузно взмахнув крыльями, в несколько махов он перелетает на пяток метров в сторону. Но – со своей добычей в лапе!

– Да это же наша, Тятинская пара! – улыбаюсь я в бинокль, – Дружба, значит, дружбой, а табачок – врозь?! Хм! Интересесно...

Но, тут становится ещё интересней! На валуны, буквально падает, проходящий высоко в небе, белоплечий орлан!

– Белоплечий! Да, матёрый какой! – ахаю я, – В контрастном оперении! Ах, какой гусак! Что же ты делаешь, на Кунашире?! Сегодня – пятнадцатое апреля! Ты уже должен быть на Камчатке! Или тебя не интересуют семейные дела?

Оценив, что добыча, у белохвоста – маленькая и ему ничего не светит, белоплечий орлан тут же откланивается. Подпрыгнув с валуна, он сильными и мощными махами загребая воздух, уходит прочь. Постепенно набирая высоту, он продолжает свой, ненадолго прерванный полёт вдоль побережья

острова, на север. Я провожаю его в бинокль, пока орлан не скрывается из виду.

– Да-а! Хорош гусак! Сильный, красивый, здоровый!.. Всё-таки, на Камчатку пошёл!

Если наши, местные, орланы-белохвосты смотрятся огромными, бурыми курицами, то белоплечие орланы – как гуси! Они изящны в полёте. У них другие пропорции тела. Вне всяких сомнений, они – куда лучшие летуны! Эти – воплощение красоты и мощи...

Шестнадцатое апреля. Тятинский дом. Пришла большая непогода! Взбаломошный, сильный ветер с востока, на ключья рвёт синий дым, вырывающийся из трубы нашего дома. На океане шторм. Мы штормуем...

Промежду домашними делами, я задерживаюсь посреди нашей комнаты и через наше большое окно бросаю взгляд на океан – там все волны в белых барашках!

– Белые барашки – значит, шторм шесть баллов! – замечаю я...

Под вечер, на раскачивающуюся былинку прошлогодней гречихи под нашим окном, села птица.

– О! Серёж, свиристель! – не шевелясь, я стою перед окном.

Птица сразу сорвалась прочь!

– Дрозд! С хохлом на голове! – обозвал его Казанцев.

Вдогонку, я провожаю птицу взглядом: «Свиристель...

Приятно было познакомиться!».

Семнадцатое апреля. Тятино. Утро. За нашим окном хлещет дождь! Порывами, рвёт сильнейший ветер с юго-востока. На океане шторм. Штормуем и мы. Я поглядываю в окно – широкую панораму серого, штормового океана то и дело размазывает пелена сильного дождя.

Наши орланы – мокрые. Один сидит на вершине одной из пихт в распадочке Банного ручья, низко-низко.

– Ниже нас! – хмыкаю я, – Никогда не видел!

– Закрылся от ветра складкой рельефа, – понимаю я его, – Молодец!

Второй орлан сидит на присаде, на гребне высокого мыса, что слева. Это местная, Тятинская пара, наши соседи...

Ночью, я выхожу из дома.

– Куааааа! Куааааа! – в нашей луже, что разлилась от дождя до размеров маленького озера, раздаётся редкое, одиночное кваканье!

У меня – потребность поделиться новостью с напарником. Я знаю, что Казанцев не спит.

– Серёж! – захожу я в дом, скрипнув дверь, – Лягушки! В нашей луже орут!

– Так рано?! – тут же отзывается тот, с нар.

– Ну! Может, год такой? – пожимаю я плечами, – Ты выйди! Послушай, как скверутся. Первое токование в этом году!

– Ага, – соглашается со мной Казанцев, даже не делая по-

пыткок подняться, – Записать надо, в Календарь природы.

Ночью, ветер поменялся на холодный, с северо-запада. Дождь перебило на снег! Утром, я выглядываю в наше широкое окно – там всё бело! По пустырю, что перед нашим домом, сильный ветер гонит снежную позёмку.

– Сергей! – изумлённо зову я Казанцева, – Снег на улице! Ты посмотри – какая позёмка! Сегодня восемнадцатое апреля!

– Я и так её вижу, отсюда, – отзывается тот, из-под потолка, – Ты, лучше, послушай, какие порывы ветра!

Я и сам, ещё с ночи, с опаской, прислушивался к ударам ветра в стену нашего дома. Действительно! Ветер бьёт удивительно мощно! Наш, совсем не маленький, дом сильно вздрагивает при каждом ударе воздушного океана.

– Хорошо, что ветер бьёт в восточный торец нашего длинного дома, а не в его фасадную стену! – с тревогой думаю я, снова забираясь на нары...

– Грооооо!!!

Мы подпрыгиваем на нарах, от адского грохота! Такое впечатление – будто у нашего дома к чёртовой матери сорвало крышу! И унесло! Мы кубарем скатываемся с нар и кто в чём был, выскакиваем на улицу. Первым делом – разворачиваемся к крыше!

– Фу! Крыша на месте!

– Трубы нет! – я тычу пальцем за крышу, – Выворотило

трубу!

– Но, она же совсем маленькая! Едва высовывалась над коньком! – поражается Казанцев, – Да, что ж, это делается?!

Мы заскакиваем обратно в дом, торопливо одеваемся в рабочую одежду и решительно выходим наружу, спасти наш дом...

На улице лежит снег! Толщиной три сантиметра! Мы открываем, с торца дома, две доски и Сергей, по лестнице, залезает на чердак.

– Вот, дела! – вскоре разоряется оттуда, Казанцев, – Трубу выворотило вместе с бетонной чушкой в её основании!

– Как это?! – изумляюсь я, – Не может быть!

– Лезь, сам посмотри!

Мы долго возимся на чердаке, в две человеческие силы устанавливая печную трубу на место. Потом лезем на мокрую, скользкую крышу – привязываем трубу снаружи, проволочными растяжками, к коньку крыши.

Всё! Ремонт закончен. Казанцев исчез в доме. А я – любопытный. Заскочив за угол дома, я стою в вакууме ветровой тени и торопливо осматриваю окрестности:

Орлан-белохвост заходит на посадку на свой высокий мыс, слева от нас! Я смотрю, как зайдя против ветра, со стороны океана, он полого снижается, снижается... и с ходу, садится... в бамбук!

– Хм! – изумлённо поднимаю я брови, – Какой умный! Не на присаду, а прямо в бамбук! Молодец-то, какой!

Упругая щётка бамбука с головой прячет огромную птицу. Я смотрю в бинокль, как с гребня этого мыса, шквальным отбойным ветром в океан непрерывно гонит длинный, белый шлейф снежной позёмки... По опыту своей лесной жизни, я знаю – плотные заросли бамбука превосходно защищают от ветра. Там, на мысу, в бамбуке – даже сейчас, тихо и спокойно.

– Хм! – снова хмыкаю я, – Выходит, это знаю не только я!..

Тятинский дом. Всё, постепенно, улеглось. Сегодня – двенадцатое апреля. После трёх суток заключения в стенах дома, мы с удовольствием выходим «на экскурсию». На часах – половина двенадцатого, дня...

На косе, в устье Тятиной, среди тихоокеанских чаек, я, в бинокль, отыскиваю несколько черноголовых.

– Серёж! Озёрные чайки!

– Где?! Аaaa!.. Пришли, значит! Но это, ещё – только гонцы.

– А, видишь? Средние чайки! Меньше наших клуш! Они – чисто-белые.

– Ну!

– Это – моевки! Мне Дыхан показывал. Тоже пришли! Эти – проходные. Уйдут далеко на север. Знаешь, что такое мойва?

– Конечно. Рыбка! На корюшку похожа.

– Мойва – это Север! Олицетворение Севера – это птички

базары! Кайры, треска и мойва. И эти чайки...

Вот, что такое – весна! Это первые встречи в этом году, первые птицы, первые цветы...

На возвышении морской террасы сидит, контролируя всю нашу Тятинскую бухточку, орлан-белохвост.

– Зю-зю-зю! Зю-зю-зю! Зю-зю-зю!

По шиповниковым зарослям низкой морской террасы, густыми колокольцами звенят, перепархивают стайки китайских зеленушек. Птички мельтешат в полёте, своим ядовито-зелёным и жёлтым оперением...

А в пойме Тятиной – нам, уже второй раз, встречается интересная птичка: спинка синяя, как у поползня, а брюшко – крапчатое. Хорошо выделяются округлые бровки над глазами...

– Что за птичка? – озадачиваемся мы с Казанцевым.

Но вдруг, в бинокль, я вижу такие знакомые замирания!

– Это – синехвостка! – улыбаюсь я Сергею, – На, бинокль! Посмотри, как она замирает...

– Да! Замирает, – Казанцев тоже улыбается в бинокль, – А чего, это, она?

– Таёжная птичка! – объясняю я ему, – Пока сидит – она незаметна. Дыхан её зовёт «птичка-невидимка».

Это тоже – первая встреча в этом году...

Тятинский дом. Двадцатое апреля. Мы решаем сходить на Филатовский кордон, в баню. Всего-то – семнадцать кило-

метров в одну сторону! Что нам? «Бешеному кобелю, семь вёрст – не круг!» как говорил Дыхан.

Перейдя Тятину по первому от устья перекату, на присыпанной снежком колее нашей заросшей дороги, мы натываемся на лягушачью икру! Я трогаю её носком болотного сапога – студень твёрдый. Он прочно схвачен льдом заморозка. Но, под коркой льда, в глубине сгустка, всё-же угадывается некоторая подвижность...

Здесь же, на гальке в устье речки, перед нами суетятся два куличка.

– Та-ак... Это – улиты, – киваю я в свой бинокль, – Кулички морского берега!

– Ки-ки! Ки-ки! – коротко и звонко вскрикивают улиты.

Птички бойко семят своими короткими ножками, перебегают с места на место. По мере нашего приближения. Стальная спинка, белое брюшко, короткие ножки, плотно сбитое туловище, короткий, прямой клюв...

На половине пути между Тятиной и Саратовской, мы останавливаемся на колее своей дороги – с неба на нас наплывает какое-то погогатывание. Я поднимаю лицо к небу.

– О! Гуси!

– Ух, ты! – восхищается Сергей, – Гуси летят!

Цепочкой, над нами, спокойно и ритмично взмахивая крыльями, проходят гуси! На север.

– Два, четыре... восемь! Восемь штук!.. На север!

– Крупные гуси!.. На север.

Однотонно-коричневые птицы, не спеша, совсем невысоко проходят над нами, держась линии морского берега...

По песчаному пляжу, мы приближаемся к Саратовской. Сегодня – мы проходим мимо.

Мы шагаем. Мы смотрим вправо, вбок, на Саратовские сопки.

– Смотри! Снегом прошедшего циклона закрыло все проталины!

– Ага! Ведь, уже столько было бурого цвета, по склонам! И опять – всё бело!

– Ну! Просто, зима...

Саратовский борт стоит весь белый, в снегу. И по низу – следов медведей не видно уже несколько дней.

Около устья Камышовой, в первой волне прибоя, массой мельтешат озёрные чайки!

– Каа! Каа! Ки-ки-ки! Ки-ки-ки! Каа!

– Серёж! Смотри! Озёрные чайки!.. Вот он, вал их пролёта! Сколько же их! Просто, тьма!

– Ки-ки-ки-ки! Каа! Каа! Ки-ки-ки!

– Ну и крикливые же они! – морщится Казанцев от отчаянного чаячьего гомона, – Птичий базар!..

Филатовский кордон. Двадцать первое апреля. Управившись с бытовыми делами, я решаю, в одиночку, пройтись по пойме ручья Филатова...

Повсюду раздаётся короткое цыканье синехвосток! Куда

ни ведёшь поле бинокля – всюду, по почве, скачут эти птички! Короткий проскок – и замирание. Замерла – и нет птички... Птичка-невидимка. Их, действительно, масса!

– Невероятно! Всё в синехвостках! – поражаюсь я, – Какой массовый пролёт!

На галечной косе ручья я, впервые в этом году, вижу жёлтую трясогузку! Это – горная трясогузка. А вот – стайки длиннохвостых птичек! Малиновое брюшко, крапчато-коричневая спинка. Свистит, эта птичка, так же заунывно и просто, как снегирь...

– Это урагус! – улыбаюсь я, – Его, ещё, называют длиннохвостым снегирём...

– Сегодня двадцать первое апреля, – думаю я, пристально всматриваясь в каждую веточку, – Вот, это да-а! Сколько пернатой мелочи вокруг! Всё птичье население движется на север!

Отцветшие ольховые серёжки валом лежат на прелой листве, на гальке речных берегов. Почва, буквально, устлана серёжками! Я раньше, как-то, этого не замечал...

Двадцать второе апреля. Ну, раз уж, мы находимся на Филатовском кордоне – решаем обследовать и этот участок острова. С утра пораньше, своей парой, мы выходим в лес. Наш маршрут – вверх по долине ручья Филатова. Начинается просто превосходный, солнечный день. Безоблачное, синее небо над головой! А, это – такая редкость, для Кунаши-

ра...

Сколько мы ни идём, следов медведей – ни одного! Час, второй...

– Заметил? Следов медведей нет!

– Ну! Какой резкий контраст с территорией заповедника!

Вот и гора Добрая показалась впереди. Теперь, её не закрывают от наших глаз кроны пихт. Высотой около пятисот метров, эта гора представляет собой очень правильный конус! Как вулкан, на картине! Вот, только, склоны – очень уж, крутые.

– Это – гора Добрая! – тычу я пальцем в сопку, – Вулкан в миниатюре!

– Ага, – отзывается напарник.

Мы шагаем дальше. Вершина сопки скрыта под шапкой сплошных зарослей кедрового стланика...

– Какой идиот назвал её Доброй? – недоумевает Казанцев, – Сань! Как гора может быть доброй или не доброй?

– Отстань, Серёж! – отмахиваюсь я от него, озираясь по сторонам, – Меня больше интересует, что следов медведей – нигде нет!

Подойдя к горе поближе, мы переваливаем между сопками вправо, в противоположную от неё сторону – в долину ручья Балышева. Кордон «Филатовский» стоит, как раз на этом ручье. Поэтому, идея наша проста – по пойме Балышева, мы свалим к кордону. И всё! Наше знакомство с этим участком острова, будет закончено...

Мы спокойно шагаем по насту среди ольховника, по закрытой полутораметровым снегом, пойме ручья. Но, ручей выделяет такие петли и повороты! И он – не замерзает зимой! Это – снежная траншея «по шейку глубиной», с ручьём по днищу... И все эти траншеи – они стоят поперёк нашего движения! Мы штурмуем эти преграды...

Спрыгнув в преградившую нам путь очередную траншею ручья, мы пробуем вылезти из неё наверх. Полтора метра – это мне по глаза!

– Ху-xxx!!!

Я оторопело вскидываю лицо вверх – ухнув от неожиданности, в паре десятков метров перед нами прочь срывается чёрная туша!

– Медведь!

Моя рука, запоздало, дёргается к ремню висящего на плече, ружья. Но – я уже вижу, что зверь прыжками мчится от нас поперёк поймы, к близкому склону речного распадка. Там, поверх склона, монолитом стоит чёрная стена спелого пихтарника. И вместо ружья, я хватаюсь за бинокль...

Вот он, зверь! Стоя по плечи в снежной траншее ручья, как в окопе, я смотрю как большой и сильный, высокий на ногах и от этого кажущийся поджарым, медведь, пригнув голову к земле, сильными, размашистыми прыжками, уходит от нас по насту ольховника. При каждом его прыжке, наст, фонтанчиками белых искр, брызжет из-под его тяжёлых, когтистых лап...

Вымахнув из распадка речной долинки на крутой склон, зверь разворачивается на границе пихтарника, к нам правым боком и сразу переходит на шаг. Восстанавливая сбитое горячкой дыхание, он пару раз, словно кашляя, с шумом выдыхает воздух. Я смотрю в бинокль, как чёрная, с синевой, медвежья шерсть переливается на его лопатке буграми мощных мышц...

Бросив в нашу сторону короткий взгляд, медведь делает шаг под пихты и исчезает.

– Фу ты, чёрт! – нервно перевожу я, дух.

– А, он – пугливый! – замечает стоящий рядом Казанцев, своим тонким голосом.

– Скорее – пуганый, – поправляю я его.

– Да! – соглашается напарник, – На Тятинке, в заповеднике, от нас так не бросаются.

Мы выбираемся из траншеи ручья и подходим к его следам...

Оказывается, медведь шагал нам навстречу. И встреча с нами, для него, была также неожиданна, как и для нас. На насте видно, как зверь, буквально на полушаге, бросил своё тело в сторону, к лесу. Вырванные когтями, комочки зернистого льда раскатились далеко по поверхности наста...

– Интересно, чем он занимался? – загораюсь я и предлагаю, – Давай посмотрим? Потропим!

И мы шагаем по медвежьему следу, «в пяту». Когтистые медвежьи лапы едва отпечатались на, ещё только начавшем

подтаивать, насте...

Выбрав наиболее удачный отпечаток передней лапы, я замеряю рулеткой его ширину: «Пятнадцать с половиной сантиметров!».

– Крупный.

– Угу, – согласно киваю я головой, – Я ещё в бинокль посмотрел – что он большой, хор-роший...

По следу видно, что медведь прямиком пришёл сюда от подошвы склона одной из сопок Медвежьего перевала. Мы шагаем по насту, рядом с его следами...

Вдоль подножия склона оформилась проталина маленького ручейка. Она совсем небольшая, около пяти метров в длину и пару метров в ширину. По её травянистым берегам, прямо у среза водички, видны медвежьи покопки. Закатав рукав, я засовываю руку со своим огромным ножом, в наполненную до самых краёв водой, лунку.

Сразу онемела, заломила рука.

– Какая вода! – сжимаю я, зубы, – Ледяная!

Сантиметров восемь, глубина...

Я нащупываю, на днище лунки, остаток корневища. И подрезаю его носиком лезвия.

– О-о! Знакомый запах!.. Серёж, понюхай! – предлагаю я Казанцеву, просто так, чтобы скучно не было.

– Сам нюхай! – взвивается Казанцев, – Тебе надо знать, что он ел? Вот, ты и нюхай!

– Послал же бог, напарника! – деланно возмущаюсь я,

подсчитывая при этом покопки, – Ни нюхать не хочет, ничего не хочет...

– Лучше говори, сколько покопок записывать! – напарник держит в руках мой дневничок.

– Одиннадцать симплокарпуса и шесть лизихитона, – говорю я, – Здесь, он всю проталинку перетряхнул... Ладно, надо дальше тропить – может, помёт найдём...

– Пошли, тогда, дальше, – соглашается Сергей.

След показывает, что к проталине, в пойму ручья Балышева, медведь спустился с борта Медвежьего перевала. Но, он-то спускался, а нам – подниматься! Лавируя между стволами пихт, мы шагаем по насту вверх, в сопку...

Снежный склон быстро становится всё круче и круче.

– Серёж! Смотри! У медведя – та же идея передвижения по насту, что и у нас! – замечаю я на очередном перекуре, когда мы стоим согнувшись пополам и уперев руки в колени, – Когда мы идём по насту среди хвойников, то выбираем прогалины. Здесь – наст крепче, не провалишься... Он делает точно также!

– Нууу, – пожимает плечами, стоящий согнувшись рядом со мной, Казанцев, – Он не первый день на свете живёт.

Чем выше мы забираемся, тем круче склон и твёрже наст. Вот, уже пошли и вершинки кедрового стланика! Маленькие, они выглядывают прямо из наста.

– Да, куда его чёрт занёс?! – уже давно стонет позади меня, Казанцев.

Вот, на льдистой корке наста, от медвежьих лап остаются лишь царапины, от когтей! Мне всё труднее отыскивать эти царапины. Я всё медленнее продвигаюсь вперёд, больше кружу в поисках...

Наконец, исчезают даже последние намёки на медвежий след. Через пару минут блужданий, я отрываю глаза от чистого наста, распрямляюсь и оглядываюсь по сторонам – оказывается, мы стоим на самой вершине самой высокой сопки перевала! Она льдистая и совсем маленькая! Метров пять на пять.

– Скотина! – тонким голосом, ноет сзади Казанцев, – Мозгов нет – вот и бродит, где попало! Какой чёрт его затащил на этот голый пупок?! Здесь, кроме снега – ничего нет!.. Ты – как хочешь, а я дальше штурмовать сопки не пойду! Только на кордон!

– Надо ещё, хоть немного потропить! – возражаю я, – Ни одного помёта! Зря столько тащились, что ли?

– Ну, так и что из того?! – взрывается Казанцев и чеканит, раздельно, каждое слово, – Я, дальше – не иду!

У меня опускаются руки. Я опустошённо молчу...

– Вот и поработал! – обречённо думаю я, – Одному бродить – опасно, а с кем в паре идти – попробуй, каждому угоди!

Над верховьями ручья «Филатовка», мимо Доброй, тянет клин гусей. Со своей вершины, мы стоим и разглядываем птиц.

– Гуси! – тяжело бурчу я, – На север идут.

У птиц – светлое, серое туловище и тёмные, почти чёрные, крылья.

– Наверно, это казарки, – без восторгов, прикидываю я, – Гусей, с такими чёрными крыльями – не бывает. Надо будет, у Дыхана спросить, как в цивилизацию выйдем...

Я набираю полную грудь воздуха и медленно выдыхаю...

С минуту постояв и уже отрешённо, как что-то несбывшееся, осмотрев с вершины местность «по нашему курсу», я хмуро говорю Казанцеву: «Ладно... Домой пошли». А что, мне, остаётся делать?!

Сегодня транспортный день. Во второй половине следующего дня, мы, большим караваном, подходим к нашему Тягинскому дому. Сегодня – нас много, и людей, и лошадей, и собак. Обычные хлопоты по быту занимают всё время до вечера...

– Чиф-чиф-чифффырррр! – раздаётся с неба, такой знакомый звук.

– О! Бекас токует! – поднимаю я лицо, к небу.

– Точно, бекас! – отзывается Андрей Анисимов, – Первое токование в этом году! Сегодня двадцать третье апреля. Надо записать. В Календарь природы заповедника пойдет.

Быстро синееет вечер. Вновь, я слышу лягушачье кваканье!

– Куааааа! Куааааа! – раздаётся в луже, рядом с домом.

– Хм! – хмыкаю я, вслушиваясь в этот, пока ещё слабый, свадебный хор лягушачьих глоток, – Только сегодня, двадцать третьего числа, очухались! А начали ведь, сквер-стись – аж семнадцатого апреля! Семь дней! Вот, что значит – циклон...

– Цик! Цик!

Над, едва угадываемым в густой синеве сумерек, лесом слышится редкое, едва различимое цыканье.

– Андрей! Вальдшнеп тянет! – радостно сообщаю я, заходя в дом, – Иди, послушай! Первая тяга!

Вместе с Анисимовым, мы выскакиваем на улицу.

– Цик!.. Хор... Хор... Хор... Цик!

– Точно! Вальдшнеп! – неподдельно радуется Андрей, – Слышишь? Хорканье? Классика! Как на охоте!.. Сегодня, как на заказ, целая вереница индикаторов весны!

Стемнело... Неожиданно Муха, сорвавшись из входного тамбура нашего дома, с лаем бросается в темноту, за угол.

– Гав!.. Гав! – её редкий и какой-то особенный, злобный лай раздаётся совсем рядом с домом...

Нас, учить не нужно – каждый из нас знает, как собаки лают на медведя. С фонариком в руке, я спешу на угол дома.

– Гав!.. Гав!.. Гав!

Муха лает совсем близко! Свет от моего фонарика – такой жидкий, блёклый...

Следом, подходит Андрей.

– О! Глаза! – Анисимов светит своим сильным, восьмиба-

тареечным фонарём, – Саня! Медведь!

– Ага!

– Тут, всего-то – тридцать шагов!

В свете фонаря снова блеснули две, широко расставленные лампочки и исчезли в темноте. Я понимаю, что медведь – не убежал. Он, просто, отвернул свою морду от луча света.

– Хррум!.. Хррум!.. Хррум!.. Хррум!

До нас отчётливо доносится равномерное похрустывание сухих, прошлогодних стеблей лопухов под тяжёлыми медвежьими лапами.

– Гав!.. Гав! – не подступая близко, Муха, редко гавкая, сопровождает медведя...

На шум, к нам подходят все прочие, сегодняшние обитатели нашего дома.

– О! Блин! Медведь!

– Ага! Смотри – как близко!

– Ну!.. Идёт.

Мы громко переговариваемся между собой, гурьбой стоя на углу дома...

– Гав!.. Гав!

– Хррум!.. Хррум!.. Хррум!.. Хррум!

Время от времени, в луче сильного Анисимовского фонаря, словно два угля, вспыхивают широко расставленные глаза зверя...

– Он, даже за туалет не заходит!

– Ну! Пройдёт между домом и туалетом!

С олимпийским спокойствием, медведь вышагивает мимо нашего дома, от Банного ручья в сторону речной долины Тятиной.

– Хррум!.. Хррум!.. Хррум!.. Хррум!

– Там же кобыла привязана! – вдруг, вспоминает кто-то.

Андрей Архангельский бросается в дом, за своим табельным карабином. Метрах в пятидесяти впереди медведя, слышится перестук копыт встревоженной лошади. Кобыла натягивает верёвку в сторону дома. Андрей лязгает затвором и коротко бросает Анисимову: «Андрей, свети!».

– Да, вон он! Идёт! – недоумевает Анисимов, наводя луч света на медведя.

– Хррум!.. Хррум!.. Хррум!.. Хррум!

В луче яркого света, спокойно шагает мимо нас, медведь.

– Та-аахх!!!

Ночную тишину раскалывает выстрел. Ослеплённые вспышкой выстрела, мы погружаемся в полную черноту. У меня закладывает левое ухо – слишком близко, я оказался к Архангельскому. В темноте я слышу, как Андрей лязгает, передёргивая затвор карабина.

– Та-аахх!!!

– Идёт, скотина, как шёл! – изумляется кто-то из нас.

– Хррум!.. Хррум!.. Хррум!.. Хррум!

– Он что, глухой?!

– Та-аахх!!!

Боящаяся выстрелов, как огня, Муха исчезает бесследно –

наверняка сейчас трясётся, забившись в угол тамбура нашего дома. А медведь, как шёл – так и идёт!

– Хррум!.. Хррум!.. Хррум!.. Хррум!

– Та-аахх!!!

В тишине ночи, выстрел кажется неправдоподобно громким... Я изумлённо смотрю на то, как, по-прежнему, не спеша вышагивающий в луче света, медведь, даже не сбивается с шага!

– Хррум!.. Хррум!.. Хррум!.. Хррум!

По-прежнему, мерно похрустывают под медвежьими лапами сухие трубки лопухов. Он вообще никак не реагирует на людей, выстрелы...

– Как громко бьёт! Я, на левое ухо, уже ничего не слышу!

– Громко! – огрызается Архангельский, – Эта сволочь затупила, хоть по нему стреляй! Андрей, свети ещё!

– Та-аахх!!!

Пушечным выстрелом, бьёт по ушам очередной выстрел. Теперь, в моих ушах – только звон...

– Бесполезно!

– Дурак! Занозу отвязывай! – кричит на Архангельского Сергей Олевохин, – Сейчас, он на неё выпрется!

Андрей бросается к своей кобыле. По топоту копыт в темноте, я понимаю, что он торопливо уводит её за угол, на фасадную сторону дома...

Продрогшие от весенней ночной прохлады, всё-также толпой, мы стоим на углу.

– Хррум!.. Хррум!.. Хррум!.. Хррум!

Неспешное потрескивание сухого бурьяна под медвежьими лапами, постепенно отдаляется. И, наконец, затихает в стороне Тятиной...

Ти-ши-на...

– Во, бред!

– Как, всё это, понимать?!

– А, чёрт его знает, как...

– Как шёл – так и прошёл!

– Да-ааа... Тут-то, шагов тридцать пять, будет?

– Наверно, будет...

– Ну и дела...

Мы заполняем внутренность нашего жилища. Единственная свечка на столе слабо освещает наши растерянные лица...

Тятинский дом. Опять пришла непогода! Опять метёт позёмка! Опять снегом закрыло проталины! С наших нар, изпод потолка, я гляжу в наше большое окно: «Вот, беда-то... Как там, бедные птички? Ведь, уже всю идёт массовый пролёт...».

Под утро, со стороны хвойника, что западнее нашего дома, я слышу заунывный свист дрозда.

– Сиииииии... Сиииииииии...

Впервые, в этом году...

Всё успокаивается только двадцать шестого апреля! Через три дня...

Тягинский дом. Утром, кроме ружей, вооружённые ещё и фотоаппаратами, мы, в паре с Андреем Анисимовым, выходим в лес...

На низкой морской террасе под нашим домом, при нашем приближении, с шиповника снимается стайка из шести – семи птиц. Довольно крупные, с голубя величиной! Птицы резко перебегают по земле, притаиваются...

– Хм! – думаю я, присматриваясь к птицам, – Не прыгают, одновременно двумя ножками, как большинство пернатой мелочи – а перебегают, как трясогузки!

Вот! Короткая пробежка по земле – и птица замерла! Крапчатая, она полностью сливается с пожухлой листвой земной поверхности. Отведёшь взгляд от замершей птицы – и потом, приходится по-новой высматривать её, пристально впившись взглядом в листву.

– Андрей! Что за птицы? – интересуюсь я, – Пёстрые, как курочка-ряба, из сказки!

– Саня! Это пёстрый дрозд и есть! – объясняет мне, более продвинутый в орнитологических делах, Андрей Анисимов.

На гребне высокой морской террасы у Банного ручья, за эти дни непогоды, северо-западным ветром надуло неплохую лавину! Белым лайнером, она нависает над бамбуковым склоном террасы. На былину, торчащую из борта этой белой

«яхты», уселась какая-то птичка! Установив треногу своего фотоштатива, я гляжу на неё в свой телеобъектив.

– Андрей! Смотри! – зову я Анисимова, – Как чекан! Только, у этой птички, грудка – вся в красных брызгах!

– Саня! – смеётся надо мной, Анисимов, – Это – он и есть! Черноголовый чекан. Ты – невнимательно, раньше, смотрел! Это и есть его нормальная окраска!

Чёрноголовая птичка, с забрызганной алыми каплями светлой грудкой, очень красочно смотрится на фоне белого снега лавины и тёмно-синего неба. Я несколько раз нажимаю на кнопку своего фотоаппарата...

Следуя за стайкой дроздов, мы заворачиваем в овраг Банного ручья. Здесь – голый ольховник. Мы движемся не спеша, без резких движений...

Птицы все – подавлены, подпускают нас на два – три метра! И синехвостки, и крапивники, и дрозды...

– Никто нас не боится! На три шага! Где это видано?! – недоумеваю я вслух, не отлипая от своего объектива.

Всё птичье население поглощено кормёжкой! И большие, и маленькие... птички копошатся в прошлогодней листве, валёжинах и трухлявых стволах сухостоя. Они, практически, не обращают на нас внимания! Удивительно...

– Андрей! Это что, голод? – на миг оторвавшись от фотоаппарата, недоумённо оглядываюсь я на Анисимова.

– Что ты хочешь? – пожимает тот плечами, – Им, сейчас – не до нас... Знаешь, сколько их погибло, за эти дни?! Я ду-

маю, столько – что нам лучше не знать! Для душевного равновесия... Просто, мы, этого не замечаем. Весенние метели, для птиц – самое страшное дело.

В дальнем углу ольховника Банного ручья, мы натываемся на свежие медвежьи наброды. По следам я вижу, что здесь кормились два или даже, три зверя! На свежем снегу чётко печатаются их когтистые лапы. Я, по очереди, меряю их своей рулеткой.

– Этот – четырнадцать, по снегу.

– А, на чистой земле? Замерь вот этот след, – подсказывает мне Анисимов.

Оглянувшись, я вижу, что Андрей стоит возле покопки лизихитона. На грязи у его болотника, красуется шикарный медвежий след. Я спешу к нему.

– Тринадцать с половиной! – сообщаю я и пожимаю плечом, – Взрослый, средний медведик.

– О! Видишь? – разводит руками, Анисимов, – Более точно!.. А, вот этот?

Я подхожу к Андрею и приседаю над медвежьим следом, возле которого он стоит.

– О-оо! Этот – пятнадцать! Этот – самый крупный из них!

– Ну!

Бродя по медвежьим следам, я начинаю считать покопки лизихитона и скусы растений. Медвежьих помётов, по-прежнему, нигде нет – видимо, звери уже давно освободились от «лишнего» и давно не ели...

На всех – получается восемнадцать кусков сосюреи, шестнадцать кусков бодяка, семнадцать покопок лизихитона, шестнадцать кусков белокопытника. Но, мне нужно большее – мне нужны помёты! Мы берём один медвежий след и начинаем его тропить...

След ведёт нас перелесками, по снегам ольховников Банного ручья...

А под пихтарником – старый, зимний снег! Он совершенно не держит нас! Проваливаясь под самый край голенищ болотных сапог, мы упорно лезем по следу...

Бессильно прислонившись к стволу пихты, я рукавом вытираю потное лицо: «Фуууу! Блин!.. Сил больше нет».

– Может, оставим его в покое? – предлагает Анисимов.

– Помётов нет! – морщусь я, – Зря, что ли, помирали?! Столько, уже прошли! Должен же он когда-нибудь погадить?!

– Ну, давай ещё пройдем! – соглашается Андрей.

И я снова, как кабан, ломлюсь по снегу, следом за таким длинноногим лосем, Анисимовым...

Вот и долина Тятиной! Она просвечивает сквозь чёрные лапы пихтарника, впереди. Выйдя из-под пихтарника, медведь ушёл в просторы речной поймы. Вываливаемся из-под пихтарника и мы. И тут я вижу, что впереди, по медвежьему следу, на белом снегу чернеет кучка помёта.

– Помёт! Ур-рррааа!!! – на всю округу, радостно горланю я, – Ур-рррааа!!!

Много ли надо научному сотруднику, для счастья?..

– Ха-ха-ха! Саня! – смеётся надо мной, Анисимов, – Хватит горло драть! Будто кусок золота нашёл!

– Ур-раааа! – всё никак не могу я, успокоиться, – Удача какая!..

– Свежий! – радостно делюсь я своими восторгами, укладывая помёт в полиэтиленовый пакетик.

Сразу, как только оказался на проталине склона речной долины, медведь покормился. Я брожу по прелой листве проталины по его следам и подсчитываю поеди растений...

Всё время крутившийся рядом с нами, рыжий кобель Анисимова Руруй куда-то исчез. В свою очередь, Андрей отлучается сам – к уже близкой, речке. Я же – поглощён медвежьей кормёжкой...

– Шестнадцать кусков соссюреи, два куса бодяка, шестьдесят восемь кусков белокопытника и девяносто поковок симлокарпуса! – говорю я через десять минут, подходящему ко мне, Анисимову, – Он, здесь, хорошо поел!

– Га... Га... – долетает до моего уха, неопределённый звук, словно где-то далеко-далеко, лает собака.

– Собака? – я оборачиваюсь к Андрею, с полувопросом. – ?!

Мы долго стоим, прислушиваясь к абсолютной тишине леса, вокруг нас...

– Нет! – говорит Андрей, – Ничего не слышно.

– А... Послышалось, – соглашаюсь я, – Вроде бы, как –

пару раз гавкнула! Показалось...

Мы трогаемся, по медвежьему следу, дальше. Выписывая зигзаги, след медведя ведёт нас по заснеженному ивняку поймы, влево...

Метров через четырёста по редкому ивняку, мы выходим на поляну. Перед моими глазами – мешанина следов! Здесь – по снегу, накрутили медведь и собака! У меня падает настроение.

– Андрей! Это – заповедник, называется! – выговариваю я Анисимову, – Какого чёрта ты охотничью собаку, лайку, в лес тащишь?! Что? Хорошо получилось?

– Саня! – бросается, тот, в атаку, – Я тебе сразу говорил, что без собаки – я в лес ходить не собираюсь! Ну и что с того, что мой Руруй пропёр этого медведя? Ничего с ним не случится!

Делать нечего. Немного постояв в обиде, я глубоко вздыхаю, примиряясь с уже произошедшим и начинаю разбирать следы на снегу...

Снег показывает мне, что наш медведь спокойно ковырялся здесь. Анисимовский кобель, работая по-зрячему, молча вылетел на него и рванул медведя за зад. От такой неожиданности, медведь – прямо-таки, взорвался помётом!!! Здесь, всё равномерно забрызгано студенистыми каплями жидкого медвежьего помёта! Здесь же – следы шальных прыжков медведя, по пятам преследуемого Руруем...

Мы стоим с Анисимовым, на краю этой, забрызганной

медвежьим помётом, «белой страницы». Дальше ступать – как-то...

Я, с удивлением, рассматриваю широкий пятак загаженного медведем, чистейшего, свежего снега. Ничего подобного в своей лесной жизни, я никогда не видел.

– Обдристался как!

– Даааа... – недоумённо тянет Анисимов, – Струя – метров пять. А, разброс! Ты только глянь – метра два, шириной!

– Будет, теперь, рвать по лесу! – опять выговариваю я, Анисимову.

Анисимов виновато молчит, опустив глаза вниз, на забрызганный медвежьим помётом, снег. Вздохнув, я приступаю к осмотру...

По следам, я вижу, как медведь, с висящей на нём собакой, пронёсся по поляне далеко влево! Потом, крутнувшись, он развернулся и на махах, проскочил по поляне обратно! Здесь, осажённый Руруем очередной раз, медведь снова развернулся и после нескольких крутых виражей, во весь опор бросился к борту речной долины.

– А! – понимаю я его, – Там – спасительный пихтарник!

Я шагаю, по следам медведя и собаки, дальше. Белая поверхность чистейшего снега, «в лицах и красках» показывает мне, как, по пятам преследуемый собакой, медведь мчится поперёк голой поймы...

Вот и склон восточного борта речной долины. Здесь, он – низкий и пологий. Медведь, прыжками, вымахивает на от-

таявший от снега, травяной склон речной террасы и на снегу у стены пихтарника... тормозит.

– Остановился! – изумляюсь я, уставившись в следы.

Зная, что в любую секунду он может скрыться в густом хвойнике, медведь преобразился! Развернувшись, он разом сбросил «с хвоста» собаку. В свою очередь, Руруй, так азартно преследовавший зверя на голых просторах пойменного ивняка, сразу оставляет медведя в покое.

Я, с удивлением, читаю следы дальше...

– Ещё минуту назад! Я думал, что собака будет гнать бедного медведя, пока не устанет! – думаю я, – Оказывается – что, нет!

Следы на снегу показывают мне, что медведь развернулся влево, вдоль границы пихтарника и зашагал по краю террасы. И собака, его – совсем не беспокоит...

– А, Собанский, который изучает медведей на Алтае! – делюсь я мыслями, с напарником, – Пишет в своих статьях, что, столкнувшись с человеком, медведь бежит, пока не выбьется из сил! Смешно...

– Ты, Саня, больше верь! – советует мне Анисимов, – Этим байкам, у костра!

Выйдя по краю пихтарника, на свой входной след, наш медведь упёрся в наши следы!

– Андрей, послушай! – поражаюсь я, – Он же, элементарно проверил – мы пришли по его следу целенаправленно или собака нашла его в пойме случайно!.. Потрясающе! Это –

самый первый вопрос, который должен задать себе любой, здравомыслящий человек на его месте!

– Саня, ты слишком много времени проводишь в лесу!

– бухтит Анисимов, – Для тебя – уже все одинаковы, что медведи, что люди!

– Звери, люди... Думают-то – все одинаково! – говорю я назад, не отрывая взгляда от снежных следов, – Как показывает моя лесная жизнь – особой разницы нет.

Озадаченный, я стою над медвежьими следами. Я вижу, что дальше – медведь деловито зашагал по нашим следам.

– Он идёт за нами! – удивлённый, стоит позади меня, Анисимов.

– Ну! – киваю я и прикидываю ход медвежьих мыслей, – Он узнал, что люди пришли по его следу! Теперь – ему нужно узнать, кто эти люди!

Я приседаю на корточки и касаюсь пальцем маленького углубления на поверхности снежной лунки человеческого следа: «Смотри! Он суёт свой нос в каждый наш след! Вот! И вот! И вон!.. Молодец!». У меня хорошо работает воображение – я красочно представляю себе, как, вот здесь, стоящий на четырёх ногах, среди заснеженного пихтарника, бурый медведь опустил морду к следам и чёрным пятакон своего носа ткнулся в снежный отпечаток болотного сапога...

Я, чуть пригнувшись к следам, первым, Анисимов – в шаге за мной, мы шагаем по заснеженному пихтарнику, по следу... тропящего нас медведя!

– Интересно... – поглядывает по сторонам Анисимов, – Саня! А, кто кого тропит?! Мы – его? Или, уже – он нас?!

– Ну, по наложению следов друг на друга... – прикидываю я и показываю пальцем следы, – Смотри! Сначала, вот – мы его!

– Ну! – кивает Анисимов.

– Потом, вот – он нас!

– Ага! – соглашается Андрей.

– А теперь – мы тропим его. По второму кругу...

– Тропим медведя, тропящего нас... – бухтит Анисимов, – Туфтология...

– Как-то так..., – киваю я, не отрывая глаз от снежных следов.

Мы шагаем дальше...

– Целую дорогу натоптали! – бурчу я, – Сначала медвежий след, по нему – собачий, потом мой, потом твой! Теперь – второй круг: опять медвежий и следом – собачий. А теперь – снова мой и твой!

– Уффф! – вздыхает за спиной, Анисимов.

Медведь проходит по дорожке следов весь пихтарник, до места, где мы вывалились из хвойника на проталину склона речной террасы! Здесь, он круто сворачивает вправо и по глубокому, рыхлому снегу, уходит прочь от речки, в глубину хвойных лесов.

– А-аа! – делает вывод Анисимов, – В открытую пойму – не пошёл! Молодец!

– А что, ему? – дёргаю я на это, плечом, – Он же, не в прямом смысле, нас тропил! Узнал своё – да и пошёл...

– Запах, наш, проверил – уж, точно! – прикидывает Анисимов.

– Конечно! – соглашаюсь я, – Скорее, вспомнил. Он же должен наш запах знать по прошлому году...

Я уже прикидываю наши дальнейшие действия, – Ладно... Давай, домой выкручивать? Дальше – ни помётов не будет, ни поедей.

– Давай, – кивает Анисимов.

К своему Тятинскому дому мы выкручиваем по дороге – через подъём со стороны устья Банного ручья. Короткий подъём на плато высокой морской террасы – и перед нами предстаёт пустырь нашего дома.

– О! Какой сюрприз!

– Сколько народу!

Прямо перед входной дверью, перед фасадом нашего дома, стоит вездеход. Большой и тяжёлый ГТТ. С коробом металлического салона вездеход вообще смотрится зелёным мастодонтом. Лица – все наши, заповедниковские. Это приехало всё наше начальство.

Сегодня – тепло, пригревает солнце, топит проталины вокруг. И все, выехавшие на природу чиновники – поодиночке, разбрелись по плато бывшего посёлка.

На обширной проталине правее нас, стоит голенастая, белая птица.

– О! Цапля! – замечает раньше меня, глазастый Анисимов.

– Ага! Цапля! – соглашаюсь я, – Только, она... маленькая какая то!

– Ну! Чайка, на ходулях.

Цапля так напоминает мне маленького человечка, в белом фраке!..

От дома, к этой птице спокойно и открыто шагает по пустырю наш директор, с фотоаппаратом в руках...

На нашей тропинке стоит Дыхан. Он – одет в камуфляж, но не по-лесному. Он стоит к нам ближе всех других.

– Мишка, привет! – говорит ему, Анисимов, – Все наши начальники приехали?.. Что это, за цапля? Мелкая какая-то.

– Привет, Миш! – здороваюсь, я.

– Привет, Андрюха! Привет, Саня! – здороваются с нами Дыхан, – Это египетская цапля!

Мы шагаем по пустырю к дому по тропинке, оставляя цаплю и директора далеко правее.

– Что, он, делает? – интересуюсь я у Дыхана, кивнув в сторону директора.

– Как что? – лицо Михаила расплывается улыбкой, – Цаплю сфотографировать хочет. Редкость, всё-таки.

– Да?! – недоверчиво скашиваю я глаз, на спокойно шагающего по голому пустырю в направлении птицы, человека.

– Ну, – кивает Дыхан и интересуется, – А что?

– Хм! – красноречиво хмыкаю я, – Кто ж, так делает?!

Чтобы кого-то снять – нужно подползти, подкрасться! А он – в полный рост! Просто идёт к ней!

– Ну... Ему виднее! – не заморачивается на этот счёт, Дыхан.

Цапля подпускает шагающего к ней человека с фотоаппаратом метров на тридцать и взмахнув своими белыми крыльями, легко поднимается в воздух. Перелетев через Тятинский дом, птица планирует на проталину, метрах в пятидесяти по другую его сторону. Абсолютно спокойно, Сташкевич разворачивается и снова шагает в сторону птицы...

Мы останавливаемся.

– Ха! – хмыкаю я, исподлобья наблюдая за сценкой, – Это, уже интересно!

Когда я уставший – во мне много скептицизма и раздражительности. А сейчас, я – уставший.

– Да брось ты, Саня! – Анисимов широко улыбается гостям.

Цапля опять подпускает человека метров на тридцать, взмахивает своими белыми крыльями... Но, на этот раз, она окончательно уходит по небу прочь, в сторону Тятиной.

– Всё!

– Улетела!

– Кино закончено.

Всей тройкой, мы стоим и провожаем взглядами белоснежную цаплю...

К нам подходит слегка расстроенный директор.

– Здравствуйте, Леонид Фёдорович! – хором, здороваемся мы.

– Здравствуй, Андрей! Здравствуй, Саша! – здороваются с нами, директор.

– Ну, как? – жизнерадостно интересуется Анисимов, – Сфотографировали?

– Нет. Не подпустила! – недоумённо разводит руками, Сташкевич...

Директор, у нас – мастер дожить печи из кирпича. Оказывается, на этом вездеходе они привезли на Тятино целую гору красных, новеньких кирпичей! И цемент, и всё прочее. Сташкевич приехал сложить нам настоящую печку! Мы этому так рады!

День за днём, вооружившись мастерком, Леонид Фёдорович кладёт нам в Тятинском доме печку. Мы с Казанцевым и Анисимов Андрей – всячески помогаем ему. Мы носим вёдрами воду с устья Банного ручья, мы копаем глину на спуске и носим её в вёдрах к дому Мы месим раствор на улице, в широкой ванне. Мы подносим стопки красных кирпичей нашему печнику...

– Настоящая печь! – искренне радуемся мы.

– Со стояком! Теперь и зимой в доме можно будет по-человечески жить!

И мы всячески стараемся выказать свое расположение человеку, который благоустраивает наше жилище...

Тятинский дом. Двенадцатое мая. Сегодня я вернулся из посёлка! Сегодня, у меня – транспортный день, заезд. Дом пуствует – вот уже две недели...

Теперь – мы вдвоём с Александром Трубергом. Это у нас, в заповеднике, появился новый научный сотрудник! Труберга взяли на работу в заповедник! Это хорошо... Герпетолог – специалист по лягушкам, змеям, ящерицам...

Пока мы ехали, с Филатовки до Тятино – с крыши вездехода, я, чуть ли не в каждой бухточке побережья, видел пары сидящих на присадах, матёрых орланов-белохвостов. Они такие матёрые! Такие белохвостые! Такие жёлтоголовые! Пар пять, как минимум!

– Это всё – гнездящиеся, местные пары! – понимаю я.

Я стою на углу Тятинского дома и смотрю на тёмное море хвойников, сплошь закрывающее подножия вулкана. У меня в голове роятся невесёлые мысли: «Сегодня двенадцатое мая. Двенадцатое! С двадцать восьмого апреля, я не был в лесу! Пропустить две недели полевого сезона!.. Но, в этой жизни – не всё зависит от нас».

На заросший ивняком прудик у нашего дома, бойко падают с неба три уточки! Не успев окончательно зайти в наш дом, я смотрю на них, чуть приоткрыв дверь тамбура и выставив в эту, вертикальную щель, свой бинокль...

Вернее сказать, уточек – две. Они – ярко-крапчатые, серенькие, боковые пёрышки хвостиков – белые...

И один селезень. Этот – вообще красавец! Голова – как у

мандаринки: верх малиновый, яркие щёчки, горизонтальная чёрная поперечина от глаза к затылку. Грудка крапчатая, как вуалевый хвостик у аквариумных рыбок «гуппи». Однако, у него нет заломленных кверху «мандаринковых» перьев на крыльях...

– 3-звяк! 3-звяк! – селезень одиночно крикает, коротко и звонко, словно колоколец звякает.

– Что за утки такие? – прикидываю я, – На мандаринок немного похожи! Но, крылья – не такие!

– Саша! – зову я назад, в дом, – Иди, на уток посмотри!

И скоро Александр подпирает меня сзади. Это заставляет меня попытаться чуть приоткрыть дверь. Только чуть-чуть! Но уточки легко порхают в воздух и... только их и видели.

– Вот незадача! – кривлюсь я, – Такие осторожные.

До вечера есть час свободного времени, и я шагаю на край высокой морской террасы, прямо напротив нашего дома. Я устанавливаю фотоштатив и навожу телеобъектив своего фотоаппарата на морскую литораль...

Я долго наблюдаю за двумя парами шилохвостей, не забывая нажимать на кнопку спуска.

– Щёлк! Щёлк!

– Ах! Какие кадры! – радуюсь я.

Море, сегодня – такое спокойное. Волн нет совсем! Вода, просто, стоит! Как в луже. Полный штиль! Даже первой волны нет!.. Утки не спеша кормятся, в метре от уреза стоящей воды. Они шурудят своими большими, плоскими носами.

ми в плавающих на поверхности воды, водорослях. У них – такие, несуразно длинные, пики хвостов! Представьте себе светло-коричневую утку, размером с крякву – и у неё, вместо хвоста, сзади, под углом сорок пять градусов, торчит бурый, острый «шип», сантиметров двадцать длины!

Что-то мелькнуло сбоку! Я быстро оглядываюсь – по пустырю бывшего посёлка, на скорости, проскакивает тройка диких голубей! Эти – мчатся молча и стремительно. Я провожаю их взглядом...

– Чиф-чиф-чиф-чифффырррр!

– Чиф-чиф-чифффырррр!

В небе стоит непрерывное жужжание токующих бекасов! Вокруг кипит весна!!! Я бросаю взгляд на свои командирские часы – пора возвращаться к нашему дому, хоть он и совсем рядом. Я сворачиваю своё фотооборудование и шагаю к дому...

За это время, Труберг ходил на болотины сырых ольховников Банного ручья.

– Саня! – возбуждённо встречает он меня, в дверях дома, – Я гнездо какой-то птицы нашёл!

– Где нашёл? – загораюсь я, – Что за гнездо?

– Вон, в лесу! На ёлке! Примерно, в восьми метрах от земли.

– А, как оно выглядит?

– Ну... Оно лежит на толстой ветке, прямо у ствола. Сложено из травинок и мха и глиной обмазано. В гнезде лежат

пять яичек!

– Яички? А, какие они?

– Ну... они небольшие, голубого цвета.

– А! Это, наверняка, дрозд! У него – такие, голубые яйца!.. Сходить бы, туда!

– Ну, так пошли!

Наскоро хлебнув чаю, мы бредём с Александром в ольховник Банного ручья...

– Вон, ёлка! – тычет пальцем вперёд, Труберг.

Это – действительно, среднего размера ёлка. Остроконечная, обычная... Не доходя до дерева метров тридцать, мы притаиваемся на земле, за валёжиной. Я навожу на ель свой бинокль. Тянутся минута за минутой.

Вот! Серая птица величиной с сойку, тихой тенью, воровато прошмыгнула в крону ели! Я впиваюсь глазами в тёмную хвою...

Через минуту, птица, не раскрывая крыльев, камнем упала вдоль ствола, к земле! Она раскрыла крылья – только у самой-самой земли! И исчезла.

– Хм! – хмыкаю я в бинокль, – Хитра! Такой короткий «фрррр»! И – совсем в стороне от гнезда! Наверно, это – уловка от кукушки! Зоркий глаз кукушки, конечно же, уловит короткое вспархивание крылышек птички. Но, это вспархивание – у земли! А гнездо остаётся незамеченным, высоко в кроне. Молодец, да и только!

– Саш! – тихо оборачиваюсь я к Трубергу, – Это дрозд!

Точно! Пошли отсюда...

Тятинский дом. Тринадцатое мая. У Труберга – своя работа. А я – с утра отправляюсь по просторным полянам, что за ольховниками Банного ручья. Сегодня сделаю круговой маршрут влево, с выходом на Тятину...

Белокопытник уже достигает двадцати пяти сантиметров! Яркая и свежая, весенняя зелень так радует глаз...

Вот! По полю ещё не поднявшегося высокотравья, кормился средний медведь! Я сторожко шагаю по его кормовым набродам и подсчитываю поеди растений: двадцать семь кусков ростков сосюреи, два скупа побегов бодяка, шесть покопок лизихитона, шесть кусков сочных черешков белокопытника...

Между делом, медведь разбил два трухлявых пня. Я приседаю на корточки и внимательно изучаю каждый сантиметр гнилушек.

– Что он, в них, искал? – озадачиваюсь я, – Насекомых? Специалисты – медвежатники пишут, что медведи в Архангельской области кормятся муравьями... Но, я не нахожу, в этих пнях, никаких муравьев! И ведь, уже не первый раз!

В одном месте, медведь сделал большой, очень объёмный подкоп под куст смородины. Я брожу вокруг куста, внимательно осматривая дерновину, размётанную вокруг бурую почву...

– Кого можно так выкапывать?! – озадачиваюсь я, – Та-

кой объём работы – из-за какой-то мышки? Не рационально это...

Но, сколько я ни стараюсь – так ничего и не могу сообразить.

Вот и речная долина Тятиной. По медвежьему следу, я выхожу на край её надпойменной террасы. Впереди чернеет кучка медвежьего помёта! Это – первый, за сегодня, помёт! Свежий! Я очень рад. Я осторожно вкладываю его в полиэтиленовый пакетик и ложу в свой рюкзачок...

В небе над поймой, молча нарезает круги пара стрижей! Я тоже молчу. Я стою посреди травяной поляны и с улыбкой, слежу за птицами глазами: «Ой... Стрижи! Прилетели! Лето на крыльях принесли». Я достаю свой дневничок – это первая встреча стрижей, в этом году...

Тятинский дом. Ночью лёг снег! Снег!!! Пять сантиметров снега! Всё бело кругом. Подумать только, ведь сегодня – четырнадцатое мая! Свежая, зелёная трава – вся придавлена к земле снегом. Тянет постоянный ветер, с востока...

Весь день льёт дождь! Снег согнало. По радио передают усиление непогоды. Но, у меня – есть работа дома. Я занимаюсь определением содержимого собранных за вчерашний день медвежьих помётов... Два из них полностью состоят из симплокарпуса, а один – из белокопытника.

Тятинский дом. На следующее утро, на океане бьёт

штурм. Там раздаются тугие, резкие, тяжкие удары океанского наката.

– Бухх-хухх!!! Бахххх!!! Бух-хухх-хуххх!!! Бух!!! Бух-хухх-хуххх!!!

Мне так знакомы эти звуки! По прошлому лету.

– Как артиллерийские залпы! – качаю я головой.

Но небо – чистое! Дождя нет. Выглядывает яркое солнце.

И сразу становится по-летнему тепло...

– Однако, лето осторожничает! – улыбаюсь я, природе, – До сих пор, ольха не раскрыла своих почек! И только наполовину, выглядывают листочки из почек вербы...

Мы с Трубергом, в паре, уходим к Ночке, напрямик через лесные массивы. Кроме поисков медвежьих поедей и медвежьих помётов, я занимаюсь фотоохотой, для души...

Александр же, ищет в весенних лужах и озерах кладки лягушек. А, этих кладок, сейчас – тьма!..

Труберг стоит в чёрных болотниках, по колено в прозрачной воде чистой лужи. Я стою на краю этой лужи и смотрю:

Прозрачным ведром из пластика он осторожно зачерпывает лягушачью кладку, вместе с водой. Затем – поворачивает прозрачный, пластиковый краник в нижней части ведра. И вода, весело журчащей струйкой, сливается обратно в лужу! Теперь, по вертикальной шкале на стенке ведра, Труберг определяет объём кладки.

– Как же, всё просто! – поражаюсь я.

Но, это – ещё не всё! Отделив от кладки одну икринку, Александр помещает её в мерную пробирку – и таким образом определяет её объём. Теперь ему остаётся, чисто арифметически, разделить объём всей кладки на объём одной икринки – и мы узнаем количество икринок в кладке!

– Как всё, до примитивности, просто! – уже возмущаюсь я, – Ты поставь мне задачу посчитать количество икринок в кладке – так, я взял бы пинцет, вывалил бы весь ком лягушачьей кладки на поддон и начал бы, одну за другой, считать икринки... Оказывается, есть вариант, когда ничего считать вообще не нужно!

– Саша! – улыбается мне Труберг, с середины своей лужи, – Это не я придумал! Это стандартные методики! Они применяются всеми герпетологами мира, с давних времён!

– Ладно! – тогда, успокаиваюсь я, – Но, для меня, всё это – такое новое! Так что, «век живи – век учись»...

Уже пятый час дня. По медвежьей тропе, соединяющей Ночку и Тятину, мы, своей парой, возвращаемся обратно домой, на Тятино. Мы шагаем со стороны Ночки...

Впереди, по тропе, среди крон пихт и елей, просматривается провал миниатюрного, весеннего озера. Тропа проходит прямо через него. Здесь, летом, вода стоит только в яме, в центре, а вся поляна зарастает мощным ковром сочной осоки, по пояс высотой. Сейчас же – эта лесная лужища полноводна и глубока...

Нам остаётся пройти метров тридцать по травяному про-

галу узкой полянки, перед озерцом. Неожиданно, перескочив через острые пики вершин крайних ёлок, на водную гладь лужи круто планируют две утки!

– Плюх!

Мы падаем...

Выставив бинокль перед лицом, я осторожно выглядываю из-за валёжины.

– Мандаринки!

Какие тут сомнения?! Эти уточки – словно с картинки учебника! Я передаю бинокль Александру, а сам наворачиваю на свой фотоаппарат объектив. У меня – мощный пятисотник! У него оптика – как у десятикратного бинокля! Только, изображение немного темнее.

Я крадусь в траве вперёд, закрываясь от уток стволом толстой ели, что растёт впереди нас...

Вот и ствол этой ёлки, я в него упёрся. Дальше – красться, просто некуда! Это дерево – последнее перед озерцом. До уток остаётся не более двадцати метров. Закрывая лицо фотоаппаратом, я медленно-медленно высовываюсь над стволом лежащей ели:

Мандаринки, селезень и уточка, выбираются на торчащую из воды посредине озера рогозину сухой ёлочки. Стоя на этом «плотике», они чистятся – елозят по своим грудкам и пузикам плоскими, утиными клювами...

Опустившись на пузико, однотонно-серенькая, крапчатая уточка прячет свою головку под крыло. Она дремлет, сидя

чуть выше уровня воды, на стволике сухостоины. Селезень продолжает чистить свои пёрышки.

– Ах, как наряден! – я восхищённо качаю головой, глядя в видоискатель фотоаппарата, – Раскрашен как попугай, одно слово – мандаринка...

Но, вот и селезень устраивается подремать...

– Устали уточки! – жалею я их.

– Бу-ухххх! Бу-ухх-хухххх!

Даже сюда, в глубину леса, прорывается далёкий грохот океанского наката. Я прислушиваюсь к этому грохоту и качаю головой: «Ох!.. Такая канонада! Пушечные залпы...». Сегодня – первый день после шторма. Океан раскачало и там, сейчас, творится что-то дикое. Одно слово – стихия...

Селезень дремлет... Но, свою голову, под крыло – он не прячет!

– Он стоит «на часах»! – понимаю я.

Мне, в оптику, крупным планом видно, как его закрытый глаз, время от времени, вяло открывается, для того, чтобы закрыться вновь. Кругом разлита тишина и покой...

Отсняв всю плёнку в своём фотоаппарате, я замираю в нерешительности.

– До вечера – совсем близко! – думаю я, – Нам нужно идти домой, а другого пути у нас нет! Нужно как-то обнаруживать себя. И уток – очень жалко...

Жалей – не жалей... Нам – никак, по-другому, не пройти! Я знаю, что вокруг озерца – совершенно непроходимый бу-

релом. Пройти, нам, можно только по воде этого озера! Да и то – по самому его краю, под самый обрез голенищ болотников...

Я вздыхаю и начинаю обозначать себя. Заметив мое шевеление, уточки разом сбрасывают с себя дремоту! Соскользнув со своей сухостоины на водную гладь, они, внимательно оглядываясь по сторонам, плывут от нас за угол лужи...

Нам ничего не остаётся – у нас другой дороги нет. Мы осторожно шагаем вперёд, в лужу. Воды – под самый обрез голенищ! Не спеша переставляя в воде ноги, чтобы не залить воды в сапоги, мы бредём по самому-самому краю озера, вдоль берега...

Всё! Лужа пройдена.

– Но, уточки не взлетали! – я озадаченно осматриваю оставшуюся за спиной, водную поверхность, – Значит, спрятались? Где им, здесь, можно спрятаться?!

Я удивлённо присматриваюсь к луже – обычно, при малейшей опасности, все утки срываются на крыло, а эти...

– Ни души! – удивляюсь я и качаю головой, – Тяжёлое, всё-таки, это дело – шторм...

За лесным прогалом озера, мы забираем чуть левее от тропы. Здесь – массив спелого пихтарника, с окнами подроста и баррикадами завалов...

Вскоре, мы натываемся на настоящие раскопки – под ствол толстой ели выкопана глубокая нора!

– О! – я приседаю над норой.

Кругом стоит густой подрост пихты, в рост человека и на нору в корнях толстой ели – можно только наткнуться, в упор. Как это сделали мы, сейчас. В полуметре ниже уровня земли «котлован» подкопа упирается в развилку толстых корней дерева. Эта развилка белеет обширной местинкой свежей, рваной древесины.

– Это медведь! – прикидываю я и удивляюсь, – Смотри, сколько выгрыз!

– Вот, это, да! – качает головой Труберг, заглядывая мне через плечо, – Столько труда!

– Ну! – прищуриваюсь я, глядя себе под ноги, – Наверно, не один час грыз.

Так и не сумев прогрызть развилку еловых корней, медведь вырыл подкоп с другой стороны этого огромного ствола. Но и здесь – он упёрся в такую же мощную развилку корней! И здесь, мы с Александром, сверху – вниз, разглядываем обширную местину рваной, белой древесины. Но, всё-равно, «нора» за развилкой – слишком узкая, чтобы пролезть.

– Бросил! – констатирую я, – А, сколько сил потрачено! Кого он, пытался тут достать? Под этой елью...

Тятинский дом. Пятнадцатое мая. У меня, с Олегом Чудаевым – дальний маршрут. Накануне вечером, мы пальцами водили по карте. Мы вычисляли приток Тятиной, который выведет нас на водораздел, на седловину между вершинами хребта Докучаева. Так что – сегодня, нам нужно подняться

по речке, до самого её истока...

Под нашими железными, станковыми рюкзаками, мы шагаем по смотровой тропе. Слева, под нами стоит начинающая зеленеть свежими листочками, голая Тятинская пойма...

Первый перекур – на смотровой площадке, на высокой скале. Середина смотровой тропы. Мы всегда здесь останавливаемся – отсюда открывается грандиозная панорама!..

Через пару километров, не снимая рюкзаков, мы останавливаемся на взгорке, под пихтарником. Перед нами, справа, вытекает ручей. Там просматривается болотинка сырого ольховника.

– Всё, смотровая тропа закончилась! – я сторожко осматриваюсь по сторонам, – Теперь нужно свалить влево, к речке.

– Понятно! – кивает Чудаев и делает шаг вниз, по крутому, травяному склону.

Мы переходим речку по бурному, валунному перекату и шагаем дальше, вверх по речной пойме.

– Хорошее время мы выбрали! – оглядывается на меня Олег, поправляя ремень переброшенного через плечо, табельного карабина, – Голо всё вокруг! Красота!

– Ну! – довольно киваю я ему, – Сейчас – самое время ходить! Ни лопухов! Ни комаров! И всё вокруг, видно! Сплошное удовольствие...

На пару минут, мы останавливаемся под дуплом рыбных филинов.

– Так! – поднимаю я глаза вверх, в крону ивового баоба-

ба, – Прошли четыре километра!

– Ну! – соглашается Чудаев, – Скоро рыбопроизводство будет!

– Ага! – киваю я, – Хорошо идём!

С километр выше, речка начинает ветвиться на крупные притоки. Чуть выше, в одном из них когда-то стоял рыбопроизводный заводик. Пару лет назад, мы здесь ещё застали ровные ряды коротких как табуретка, столбов! Стоящих в ровном, шлаковом русле левого притока...

При походах в верховья Тягиной, мы всегда выбирали ближайший к вулкану, левый приток, с его бурным каньоном. Сегодня, мы выбираем крайний правый приток – мы помним карту.

Мы шагаем по метровому обрывчику, вдоль берега речки. Здесь набита хорошая медвежья тропа...

– О! – останавливается Чудаев, – Медведь ствол пометил!

Я делаю пять шагов вперёд и останавливаюсь перед стволом средневозрастной ивы. Прямой ствол, сантиметров двадцать пять диаметр. На уровне человеческого роста белеет рана свежего задира.

– Ух, ты! – радуюсь я находке, – Какой задир!

Я вынимаю из кармана рулетку и дневничок...

– Так! Пиши! Ива сердцелистная. Диаметр ствола – двадцать четыре. Высота свежего задира... сто девяносто два сантиметра.

Я трогаю пальцами свежую, сочащуюся соком, белую древесину, прикасаюсь к красной, крепкой коре дерева, по гра-

нице раны: «Ух! Продрал как!».

– Высоко сделал! – прищуривается на задир, Олег.

– Ага! – соглашаюсь я, – Хорроший!

Я прячу рулетку и авторучку с дневничком в карманы, и мы шагаем дальше – у нас очень длинный маршрут, за день успеть бы...

– Саня, медведь! – вскоре тормозит меня идущий первым, Чудаев.

Мы замираем. По противоположной стороне речки, нам навстречу, шагает взрослый, почти чёрный медведь. Он движется по краю метрового обрывчика речного берега.

– Там – тоже идёт медвежья тропа! – понимаю я.

Мы стоим и смотрим. Я поднимаю к глазам бинокль...

Медведь спускается по речной долине вниз... Сделав шагов пятнадцать, он равняется со стволом, растущей на краю обрывчика, крупной пихты.

– Остановился! – молча, прищуриваюсь я.

Медведь поднимается вдоль ствола дерева на задние лапы, в полный рост. Закрывшись стволом пихты, он осторожно выглядывает из-за него и с высоты своего роста, внимательно «процеживает» окружающее пространство перед собой, по своему берегу и – за речку, по нашему берегу. Он нюхает, слушает и смотрит...

Через минуту, медведь растормаживается. Медленно и плавно, он опускается на все четыре ноги и осторожно шагает дальше...

Метров через пятнадцать – у тропы, растёт такая же пихта. Медведь останавливается и закрываясь стволом дерева, снова поднимается на дыбы...

Осторожно присев на своей тропе, мы дожидаемся, пока медведь пройдёт по противоположному берегу мимо нас.

– Фу! – выдыхает, довольный Олег, – На медведя посмотрели!.. Он – не толстый! Но, большой! Длинноногий такой!

– Ага!.. – соглашаюсь я, – Он всё время так ходит?!. А, что? Очень умно! Он не стоит, как телеграфный столб в чистом поле! На всеобщее обозрение... Заметил? Он, каждый раз, закрывается стволом дерева!

– Ха! Конечно, заметил! Голову поворачивает... как локатор! Всё просвечивает!

– Но, не во все стороны, а – только перед собой! Сектор, градусов девяносто берёт! – прикидываю я.

– Ну!.. По сорок пять в каждую сторону, от курса! – коротко смеётся Чудаев.

Здесь, в верховьях – ещё только самое начало весны! Вскоре, мы отрываемся от ставшего бурным, притока речки, направо. Потому, что прямые склоны хребта Докучаева стоят уже прямо перед нами. И мы шагаем к ним, по спускающейся к нам с одной из вершин, снежной реке. Это – заполненный до краёв белейшим снегом, распадочек какого-то ручья. Снежник! По этому плотному снегу можно шагать, не опасаясь провалиться...

Перед нами вздымается стена длинного и высоченного,

склона хребта. Она вся закрыта плотными зарослями кедрового стланика. Это пояс кедрового стланика... И только в нижней части склона, по днищу распадка, плотная стенка вершинок кедрового стланика сменяется высокими кустами ольховника, стоящими более редко. А, с нашей стороны снежной реки – протянулись покрытые ольховником пологие увалы.

– Вид – как на Чукотке! – обводит взглядом эти закруглённые склоны, Чудаев.

– Ну! – киваю я из-под своего, ярко-жёлтого станкача, – Высокогорье! Сглаженные формы рельефа!

Мы шагаем по снегу... Я, в очередной раз, поднимаю лицо вверх, осматривая склон. Этот, противоположный склон нашего распадка, заканчивается гребнем хребта. Он стал высоким, а наша снежная река – крутой. Мы срезаем длинный поворот нашего «чукотского» распадка напрямую – по проплешинам снега продираемся через заросли ольховника. И буквально вываливаемся на нашу снежную реку.

– Фууу!

– Фууу!

Плотная стена ольховника – за нашей спиной, высокие кусты ольховника – на другой стороне, под склоном. А между ними – стекающая справа-налево, снежная река, шириной метров тридцать пять. Тут же, под стенкой ольховника, мы снимаем свои рюкзаки и оставляем их стоять вертикально на насте. Сами стоим рядом с рюкзаками, отдыхаем, осмат-

риваемся...

– Саня! Медведь! – вдруг, коротко роняет Чудаев.

И метрах в ста выше нас, чуть ниже середины противоположного, кедровостланикового склона, я вижу медведя!

– Тихо!

Медведь – большой и взрослый, бурый. Он спокойно стоит среди наполовину вытаявшего из снега стланика, мордой в нашу сторону...

Через пяток минут, медведь начинает спускаться. Он «валит» не прямо на днище распадка, а чуть наискосок по склону. Наверно, так, этим курсом – он спускался и до нас...

Медведь постепенно спускается по склону. Он тянет мимо нас, но расстояние между нами, произвольно сокращается! Мы хотим посмотреть на медведя, но спрятаться нам, на белом снежнике – просто, негде! Мы, как стояли, лишь постепенно приседаем, за свои разноцветные и такие яркие, рюкзаки...

Вот! Медведь спустился на днище! В раздумье, он стоит на снегу, на противоположной стороне снежной реки, чуть выше нас. Стоящие поодиночке высокие, голые кусты ольховника – такая призрачная защита! Они, его совершенно не скрывают. Я думаю – он не дурак, он тоже это понимает...

Чуть постояв в нерешительности, медведь начинает осторожно шагать вниз, по противоположному краю белой, снежной реки. Шаг за шагом... Сантиметр за сантиметром, мы приседаем за свои рюкзаки. Всё ниже и ниже...

Всё! Мои колени – выше подбородка. Я чувствую холод сквозь брюки – это моя задница упёрлась в холодный снег.

– Дальше, присесть некуда! – понимаю я.

Я прячу лицо за своим оранжевым как апельсин, рюкзаком. Застыв, я смотрю на медведя одним глазом. Он – поджарый, большой, взрослый, тёмно-бурого окраса.

Медведь шагает медленно и равномерно, шаг за шагом. Медвежья морда смотрит прямо по ходу движения. Но – так близко! И я вижу, что он постоянно косит на нас, своим глазом...

– Не дурак! Понимает, что мы – не просто две кочки на белом снегу! – я медленно, по сантиметру, прячу свой глаз, за рюкзак, – Одна кочка – ярко-жёлтая, другая – ярко-синяя...

Шаг, ещё шаг... Медведь осторожно шагает по краю снежной реки, мимо нас...

– Близко как! – поджимаю я губы, за своим рюкзаком, – Нам – не шелохнуться и он – стенкой подпёрт! Некуда отодвинуться! Ни нам, ни ему...

Шаг, ещё шаг... Медведь ставит лапу за лапой, на снежник. Медведь шагает медленно и равномерно...

Я вдруг, с удивлением обращаю внимание на то, как он ставит свои ноги! Я усиленно смаргиваю и впиваюсь взглядом в эти медвежьи ноги.

– Вот!

Шаг! Медведь ставит на белый наст свою переднюю правую ногу! Он осторожно ставит её, на пальцы.

– Обычное дело... – прищуриваю я, свой глаз.

Следом – медведь ставит на снег свою заднюю левую ногу... Он ставит её – на пятку! И перекатывает вес тела на всю стопу.

– Сначала – он ставит пятку! – я удивлённо поднимаю брови, – Кто бы мог подумать?! Никогда, этого, не знал!.. Ну-ка! Ещё раз!

Медведь едва-едва миновал нас. Морду, он по-прежнему держит прямо по курсу. И я уже не вижу – косит ли он левым глазом в нашу сторону. Теперь – большей частью, я вижу его «корму». Уже не опасаясь, что медведь меня «вычислит», я выглядываю из-за рюкзака и уже в оба глаза, смотрю на его, медленно ступающие на белый наст, бурые ноги.

Вот! Медведь ставит на снег свою левую переднюю ногу.

– Так! – прищуриваюсь я, – На пальцы!

Следом, медведь ставит на белый снег свою правую заднюю ногу.

– На пятку! Так и есть! Заднюю ногу медведь ставит на пятку! – тихо радуюсь я, за своим рюкзаком, – Я всегда думал, что медведи на пальчиках ходят! Вот же! Век живи – век учись!

Мы ждёмся, пока медведь не удалится с наших глаз и только тогда, окончательно высовываемся из-за своих рюкзаков.

– ФУУУУ!

– ФУУУУ!

– Вот, это, дааа!

– Ага!

– Близко как!

– Я думал – вычислит!..

– Ну!

– Пошли – расстояние посмотрим!

– Пошли!

Делясь впечатлениями, мы налегке, только с ружьями в руках, шагаем поперёк снежной реки, к следам медведя...

На плотном насте – только чёрточки от медвежьих когтей! Но, мы – лесные люди! Нам, большего – и не надо.

– Уф! – я оборачиваюсь и смотрю на наши, стоящие на белом снегу, оранжевый и синий, рюкзаки, – Блин!.. Близко как!

– Ну! – становится серьёзным лицо Чудаева, – Шагов тридцать! Не больше.

– Если, не меньше!

Мы шагаем обратно, к рюкзакам.

– Саня! Почему он, всё-равно попёрся мимо нас?! – спрашивает Олег, забрасывая ремень своего карабина на плечо, – Ведь, подозревал же!

– Хм! – хмыкаю я, в ответ, – А, куда ему? Ты, на склон посмотри!.. Вверх подниматься?! Против шерсти кедрового стланика?! Четыреста метров?! Или – вверх по днищу распадка уйти? Обратно?! Я думаю, он оттуда шёл! А ему, нужно – вниз!

– Точно, – кивает головой, Чудаев, – Других вариантов, у него... Тут – только через нас.

– Ладно... Пора и нам, вниз валить.

– Ну! – соглашается Чудаев, – До вечера до дома дойти бы...

Тятино. Шестнадцатое мая. Чудаев уходит в цивилизацию. Сегодня небо закрыто высокой облачностью. В паре с Трубергом, мы решаем пройти в верховья Ночки, по массивам междуречья Тятиной и Ночки. По высокотравным полям Банного ручья, мы напрямую шагаем в сторону вулкана...

Подходим к стене пихтарника. Только суёмся под кроны хвойника – и сразу тормозим. Здесь, под первыми пихтами, вся трава, широкой полосой, забрызгана желеобразными капельками медвежьего помёта!

– Саня! Что это?! – поражается Труберг.

– Медведь обдристался! – коротко отзываюсь я, стреляя глазами по сторонам, – Кто-то напугал его, до смерти.

– Хм! Почему ты так думаешь? – озадачивается Труберг.

– Я видел такое, этой весной. В тот раз, я каждый след медведя просмотрел, по снегу. Поэтому, как это бывает – я знаю.

– Интере-еесно, – тянет Александр, – Что, здесь, могло случиться?

– Смотри! – прищуриваюсь я, – Медведь «профонта-нировал» вдоль границы пихтарника. Значит, его «пугатель»

подошёл к нему не из глубины леса и не со стороны нашего пустыря.

Александр, молча, кивает головой, соглашаясь с моей логикой.

– Кто-то подошёл оттуда! – показываю я рукой по границе хвойника, в противоположном от «фонтана», направлении, – Он увидел нашего медведя первым и практически, упал на него!

– Почему ты решил, что «упал»? – недоумевает Труберг, – Может, просто подбежал!

– Иначе – не напугаешь медведя до смерти! – начинаю злиться я непонятливости своего напарника, – Это, тебе, не «трусишка зайка серенький»! Это – медведь! Он сам, кого хочешь, напугает.

– Кто же, это, мог быть? – допытывается въедливый Труберг.

– Здесь, из людей – только мы с тобой. А, мы сюда ещё не ходили. Значит, этого медведя напугал... другой медведь.

– Медведя напугал... медведь?! – недоверчиво переспрашивает меня Труберг.

– Ну, да! – втолковываю я ему, – Ведь, кроме нас, здесь людей нет?

– Нет, – соглашается Александр.

– Ну, не лисица же, тогда! – теряю я терпение, – Это – только другой, более крупный медведь!

– Хм! Почему – более крупный? – въедливость Труберга

не знает границ.

Совсем недавно Александр работал учителем в школе, лесная жизнь – не его стихия. Наверное, я зря на него злюсь...

– Ну, Саша! – кончается у меня терпение, – Потому, что мелкий медведь не бросится на крупного!.. А почему я считаю, что этот медведь бросился? Да потому, что для того, чтобы так напугать медведя, совершенно недостаточно страшно взречь в десяти шагах от него! Здесь нужно, буквально напасть на нашего!

Под пихтами всё закрыто травяной дерниной вейника и, как я не изошряюсь – я ничего не нахожу! Только – за обгаженным медведем местом, дорожкой положены былины вейника. Это – наброд, след по траве убегающего медведя...

– Вот, блин! – в сердцах чертыхаюсь я, пройдя метров двадцать в том направлении, – Больше – ничего не узнать! Ну, почему мы не собаки?!

По пустырям высокотравья мы, сегодня, не идём. Сегодня – мы шагаем в глубину безбрежных пихтарников, напрямую к подножьям вулкана. Долго-долго гребём по бамбуковому пихтарнику. Тя-же-ло... Сплошной бамбук – по пояс! Здесь он – везде такой...

Мы вываливаемся в котловинку самого истока какого-то ручья. Здесь – влажно и бамбук уступает место лопухам.

– Так! – я коротко оглядываюсь на Александра, – Это один из притоков Ночки!

– Почему, Ночки? – сразу интересуется, въедливый Труберг.

– Он течёт вправо. Значит – к Ночке, – коротко формулирую я, свою мысль.

Моя голова занята прощупыванием окрестностей, нам важно не столкнуться с кем-нибудь из медведей.

– Хм! Как, в лесу, всё просто! – разглагольствует, за моей спиной, Труберг, – Всё, что течёт влево – к Тятинке! Всё, что течёт вправо – к Ночке! Не заблудишься!

– Хм! Ну, да! – с сарказмом, хмыкаю я, настороженно прислушиваясь и приглядываясь к окружающему нас бамбуковому пихтарнику, – Как-то, так...

Через полчаса, мы стоим в небольшой вмятине рельефа, с родничком посередине. Это – самое начало распадочка будущего ручья. Вокруг нас – массовые поеди растений. Здесь кормился медведь. Или – медведи. Я приступаю к своей работе. Труберг стоит, ждёт...

– Блин! – чертыхаюсь я, – Я работаю звездочётом!

– Да? – оборачивается на мой голос Труберг.

– Как?! Столько чисел, можно в уме держать?! – раздражаюсь я, – Сейчас, у меня в голове четыре графы – белокопытник, лизихитон, симплокарпус и бодяк. Я считаю поеди. И в голове, по графам разложено, например, «восемнадцать, девять, восемь, один». Вот, очередная поковка лизихитона! И в голове – «восемнадцать, десять, восемь, один». Впереди – четыре скупа белокопытника и один скус бодяка! Теперь

в моей голове стоит «двадцать два, десять, восемь, два»... Сейчас, одного только белокопытника, я уже насчитал семьдесят шесть черешков! При этом, я должен постоянно озираться по сторонам и прислушиваться!

– Нуу..., – задумывается Александр, над моей проблемой, – А, ты – записывай почаще! Обнуляй, так сказать, счёт!

– Да, я и так! – развожу я, руки в стороны, – Кормёжку обсчитаю – записываю... Всё-равно, от цифр голова трещит!

– Ты – до конца кормёжки не доходи! – советует Труберг, – Раньше обнуляйся!

Сегодня, в питании медведей, вырисовывается явное преобладание белокопытника. Причём, такая картина – повсеместна. Вот, на Ночке – на медвежьих кормёжках, я насчитал только три скуса соссуреи и один – бодяка, а белокопытника – сто пятьдесят!..

Тятинский дом. Семнадцатое мая. Очередной рабочий день подходит к концу. Мы, в паре с Трубергом, сваливаем к нашему дому, с верховий Тятиной. Смотровая тропа стелется под ноги...

Я резко останавливаюсь. Передо мной, на краю уходящего далеко вниз, крутого склона борта речной долины, прямо у тропы, устроена медвежья лёжка! Хвойно-моховая, лесная подстилка содрана и во влажной и прохладной почве выкопано углубление. Это горизонтальная площадочка, такая – чтобы, только, уместиться хозяину.

– Смотри-ка! Маскировка – прежде всего! – хмыкаю я, – Он сделал лёжку так – что, находясь на ней, он находится на одном уровне с поверхностью пихтарника! Заподлицо с землёй!

Я вынимаю из кармана рулетку и замеряю размеры лёжки. Записываю себе в дневничок: «Длина сто двадцать, ширина пятьдесят сантиметров».

– В статьях пишут, что медведи устраивают такие вот, сырые лёжки в земле – в жаркие, знойные дни! Чтоб прохладнее лежать было.

– Точно! – соглашается со мной Александр, – Последние дни, у нас были – жаркие! Даже для нас, а у медведя – шкура.

– И шкура у него, сейчас – ещё зимняя! – добавляю я.

Я зарисовываю схемку расположения медвежьей лёжки на местности, и мы шагаем дальше.

– Ци-ци, ци-цу-цу-цу-цу-цу!

Среди тенистого пихтарника, я впервые в этом году, слышу летнюю песенку синехвостки, короткую и печальную...

Усталость берёт своё. Столько выхожено, за день! Тропа стелется лентой, под ноги...

Вдруг, впереди раздаётся дробный перестук копыт!

– Тык, тык-дык, тык-дык, тык-дык, тык-дык...

Оторвав взгляд от тропы, я вижу, как с нашей тропы, через ещё по-весеннему пустой березняк речной террасы, бодрой иноходью от нас уносится медведь! Он – взрослый, толстый, очень светлой, прямо-таки, соломенной масти. Во-

все не выкладываясь, но очень резво, медведь, на широком вираже уносится влево, в отступающий метров на пятьдесят от голой речной долины, чёрный пихтарник.

– Медведь! – запоздало очухиваюсь я.

– Вон! – вторит мне Труберг, из-за спины, – Медведь!

Медведь исчезает под чёрной стеной хвойника раньше, чем мы успеваем остановиться. Что уж, теперь, останавливаться?! Друг за другом, мы, как шагали – так и продолжаем быстро шагать по тропе...

– Хм! – хмыкаю я себе в нос, через минуту, – Тоже мне!

Иноходец нашёлся!

– Ну! – устало бурчит за моей спиной, Труберг, – Сначала, по звуку, я подумал, что – лошадь! Копытами, так гулко по земле простучал...

Эта сценка из лесной жизни смягчает наши, тронутые усталостью, лица. Дни в мае – такие длинные...

Я несу на Банный ручей от Тятинского дома рыбу, потрошить. Нужно будет, сейчас, её пожарить. Это – наш ужин. Ружьё на плече, пустое ведро в одной руке, кукан с кунджи-нами – в другой...

Я спускаюсь по дороге с высокой морской террасы. У подножия террасы сворачиваю влево, за угол – здесь бурчит наш Банный ручей, вырываясь на стол низкой морской террасы. Я сбрасываю рыбу на траву. Сегодня, я хочу проверить один вопрос...

Первым делом, я, рулеткой, замеряю длину рыбин. Кун-

джин – три штуки.

– Так! – бормочу я, – Самая крупная... шестьдесят четыре сантиметра. Вторая – пятьдесят восемь. Третья – сорок пять сантиметров.

Теперь, я вспарываю брюхо самой мелкой рыбины. Её желудок раздут от корма. Я разрезаю желудок и принимаюсь считать вывалившихся из него горкой, полупереваренных мальков: «Один, два, три...». Записываю в свой дневничок: «Кунжда, сорок пять сантиметров – пятьдесят два малька». Разрезаю желудок второй рыбины... И через пару минут, делаю запись в дневничке: «Кунджа, пятьдесят восемь сантиметров – семьдесят шесть мальков». Третий желудок... «Кунджа, шестьдесят четыре сантиметра – сто восемь мальков».

Я потрошу рыбу дальше, а голова думает, сама по себе: «Скат мальков горбуши и кеты проходит, примерно с середины марта до середины мая. Около двух месяцев. Сейчас, у меня получилось среднеарифметическое количество мальков в желудке одной кунджины – восемьдесят мальков. Хотя рыба питается весь день – мы допустим, что желудок у кунджи полный – утром и вечером. Значит, сто шестьдесят мальков в сутки. За два месяца... примерно, девять с половиной тысяч мальков. Капец!».

– Одна кунджа, за сезон весеннего ската, съедает девять с половиной тысяч мальков горбуши и кеты! – взвиваюсь я, наконец, осознав масштабы проблемы, – Блин! Да она – про-

сто, золотая!

Я потрошу рыбу дальше...

– А, теперь – другая мысль! – через пару минут, думаю я, – Каждый год, мы заезжаем на полевые работы, примерно пятого апреля. С этого времени, мальки скатываются в море, примерно полтора месяца. В день мы съедаем, примерно три кунджины. Значит, в день мы спасаем... почти пятьсот мальков. За полтора месяца, это получается... двадцать одна тысяча мальков!

– Блин! – снова взвиваюсь я, – Да, мы – Гринпис! Нам памятник ставить надо!

В Тятинском доме, обдумывает мои расклады по малькам, Труберг. Он очень дотошный.

– Саша! – говорит он мне, – Ты знаешь, какой процент возврата взрослых рыбин от количества выпущенных мальков? На рыборазводных заводах его высчитывают.

– Ну! – киваю я, – Максимум – шесть процентов мальков возвращаются в реку взрослыми рыбинами. Шесть рыбин из ста мальков!

– Так! Давай, возьмём пять процентов. Получается, что одна кунджа, за весну, мальками съедает... четыреста семьдесят взрослых горбушин и кетин.

– Впечатляет, – угрюмо отзываюсь я.

– А мы, за весну, – продолжает Труберг, – Кормясь кунджой, спасаем тысячу сто взрослых горбушин и кетин.

– Хм! А ещё говорят, что мы объедаем заповедные реч-

ки! – фыркаю я, – И что нам нужно запретить ловить рыбу, на еду!..

Тягино. Утро встречает нас безоблачным, голубым небом и уже жаркими лучами солнца. Сегодня, нам нужно обследовать леса восточнее Ночки. В те лесные дебри мы, вообще, никогда не заглядывали. Просто, никогда не было в этом потребности...

На поляне, посреди пихтарника, широкими пластами содрана дернина. Мы, с ходу, подворачиваем ближе.

– Вот, это да-а! – качаю я головой и трогаю чёрным носком своего болотника вал скатанного дёрна, – Хм! Закатал в рулон, как ковёр!

– Саш, что это?! – не понимает Труберг.

– Медведь мышей ловил! – коротко оглядываюсь я на него, – Смотри, как скатал!

– Как он это сделал?!

– Обыкновенно! Когтями передних лап прорывает дернину и отступая назад, её под себя скатывает, рулоном. Как ты дорожку на полу скатываешь, когда квартиру пылесосишь.

– Прорвать пластом! – изумляется Труберг, – Тут же, сила нужна – как у трактора!

– Хм! – в свою очередь, я недоумённо смотрю на Труберга, – У него она и есть, как у трактора!

Я опускаюсь на корточки и меряю, такой чёткий на оголённой, мягкой, бурой почве, отпечаток когтистой лапы.

– Пухлая лапка, тугая! – бормочу я под нос, – Скорее всего, медведица... У женщин размер ноги маленький, даже когда масса большая...

– Чего?

– Шестнадцать сантиметров, я говорю... Молодец!.. Крупный!

Вот и речка! Ночка темнеет перед нами своим, почти чёрным днищем из вулканического шлака. Мы перебираемся через узкий перекатик, на её другую сторону...

Противоположный борт речного распадка встречает нас склоном высокой сопки, покрытой спелым хвойником. Ну, что ж? Мы лезем вверх...

Немного отдохнув на вершине, мы уходим дальше. Стараясь существенно не отклоняться в стороны, мы уходим по лесу, на восток. Это непросто – хвойник, здесь, сплошной и густой. За кронами елей и пихт, видимости почти нет...

– Сегодня нас интересуют понижения рельефа, – прикидываю я, – В них должны быть глухие, весенние озера.

– Наверде того озера, что между Ночкой и Тятинкой, на котором мы фотографировали мандаринок?

– Ага! Может быть, нам удастся отыскать мандаринок и здесь?

– Давай, попробуем, – соглашается Труберг.

Вот, впереди обозначается такое понижение рельефа! В плотной стене пихтовых крон, в той стороне ощущается просвет. Там – редина. Мы осторожно приближаемся...

Так и есть, озерцо! Среди густого, закрытого до половины своей высоты густым подростом, хвойника нам открывается спокойная гладь воды. Миниатюрное озерцо вытянуто на восток, вдоль подножий вулкана. Оно – всего шагов тридцать на шестьдесят. Закрывшись стволом крайней к озерцу пихты, я осторожно выглядываю из-за ствола одной половиной лица и приникаю к окулярам своего бинокля.

– Хм! Я веду себя – как медведь! – приходит мне в голову мысль, и я усмехаюсь.

– Ничего нет! – тихо сообщаю я за спину, Трубергу, – Всё пусто!

Вокруг кипит солнцем, весенний день. Яркой голубизной сверкает небо.

– Ну и день удался! – качаю я головой, оглядываясь по сторонам.

Я делаю шаг из-за ствола пихты. И тут! Всего метрах в пятнадцати слева, из-под чахлах кустиков спиреи иволистной, на зеркальную водную гладь озерца медленно выплывают утки! Я, как подкошенный, плашмя падаю на землю! Громко лязгает, ударившись о корень пихты, моё ружьё. Я лежу и усиленно изображаю собой, бревно...

– Блин! – душит меня злость, – Ведь, проверил же, всё! Каждый метр биноклем обшарил!

Лежать на спине, мне совсем неудобно. Какая-то неровность колет, упёршись в ребра с правого бока. Скосив глаз, на пределе видимости, я смотрю на уток: три мандаринки,

медленно подгребая под себя лапками по спокойной глади озерца, по-лебединому высоко вытянув шейки вверх, изумлённо сверлят меня бусинками глаз.

– Смотрят!!! – сжимаю я губы, – Ну, конечно! Что-то, вдруг, рухнуло на берегу! С таким грохотом!.. Но, ведь, не стоять же мне было, разинув рот!.. Может, успокоятся?

Главное, сейчас – не шевелиться. Текут минута за минутой. Кругом стоит тишина леса. Глядя в «потолок» леса, я, сквозь кроны пихт, рассматриваю ширь голубого неба...

Наконец, решение принято.

– Пых! – мандаринки легко взмывают в небо.

Тройка уточек перескакивает через острые пики вершин, обступивших озерцо, пихт и исчезает с глаз. Три пятка потревоженного зеркала воды начинают медленно расходиться, concentрическими кругами...

– Блин! Да чтоб всё сдохло!..

Грязно матерясь, я поднимаюсь на ноги и начинаю отряхиваться от прилипших к одежде хвоинок и прелых, осенних листьев: «Вот, блин! Ни фотоаппарат вытащить! Ни на бок повернуться! Тут, ещё – этот сук, под ребра!». Я, в сердцах, пинаю короткий и толстый сук. Ноет ушибленное, при падении, плечо. Сзади, из-за ствола толстой пихты, высовывается лицо Труберга...

Через час хода по хвойникам, мы выходим на обширную марь. Этот сырой ольховник – это исток ручья.

– Так! – прикидываю я, – Это уже третий ручей за Ночку.

Мы шагаем по чистому взгорку, среди ольховника... Вся дернина вокруг издырявлена мышинными ходами! Вся!!! Живого места нет! Источенная ходами, она, как поролон, прогибается и пружинит под нашими ногами.

– Вот, это да-а! – изумляюсь я, – Я, такого – никогда не видел!

С другой стороны пологого бугра дёрн, широкими пластами, скатан в рулоны. А, где и просто сорван, метровыми лоскутами.

– Смотри! – сощуриваю я, глаз, – Опять, медведь мышей ловил! А, что? Молодец! Здесь – настоящий мышинный город! Больше, чем здесь, их – наверняка, нигде нет!

Мы делаем замеры и шагаем дальше...

Надо бы где-то остановиться, перекусить. Вообще-то, в лес мы с собой продукты никогда не берём и в лесу не обедаем, и даже не перекусываем. Лесная жизнь категорично отвергает трёхразовое питание, и мы едим утром и вечером, и только в доме. Но, сейчас – я работаю с твёрдолобым Трубергом! И этим, всё сказано...

Мы облюбовываем местечко у ручья, на мари. Пока Труберг режет сало и хлеб, я присмотрел дупло поползня, в стволе берёзы, неподалёку. Вообще-то «присмотрел» – не то слово. Он – сам! Снуёт, туда-сюда, туда-сюда. И орёт, при этом, на весь лес!

– Чвик! Чвик! Чвииик! Чвииик!

Я устанавливаю треногу фотоштатива, навожу телеобъек-

тив фотоаппарата на чёрное отверстие дупла и замираю, положив палец на кнопку спуска. Дупло – всего в метре от земли! Минута, вторая, третья...

– Саша! – громко зовёт Труберг, – Иди, поедим! Я, уже ждать устал!

Последний раз оглянувшись вокруг, я покидаю свой пост. Шагаю к Трубергу...

– Вот же, скотина! Только что мельтешил перед глазами, взад-вперёд! – ругаюсь я на поползня, подходя к сидящему на пенке, Александру, – А, как я объектив навёл – так он и близко не подлетает!

– Соображает! – улыбается напарник.

Через пять минут, мы шагаем дальше...

В овраге ручья натыкаемся на кормовые наброды медведя. Здесь, куда ни глянь – всюду зелёные «пеньки» скушенных черешков белокопытника!

– Саша! Медведь кормился! – показываю я Трубергу, – Мне посчитать нужно, перекури пока.

Труберг, как и я, не курит. Он просто сидит, отдыхает. А я – считаю медвежьи поеди...

– Всё! – сообщаю я, подходя к напарнику минут через пять, – Можно дальше идти.

– Что там, у тебя, получилось? – интересуется любопытный Труберг.

– Здесь – скушено четыре кустика дудника, три ростка сосюреи... А, вот белокопытника – целых сто семьдесят че-

решков! Представляешь? Сто семьдесят!

Мы шагаем дальше...

Вот! Кормёжка другого медведя! Труберг с облегчением падает на прогретый солнышком пригорок. Я брожу по проталине и внимательно изучаю кормовые наброды...

– И этот – питается одним белокопытником! – сообщаю я, вернувшись через несколько минут, – Я насчитал сто тридцать черешков!

Александр поднимается со своей лёжки...

Вот и побережье! Перед нами открывается ширь морского горизонта. Круг нашего маршрута замкнулся. Теперь – обратно! Мы шагаем по колеям заросшей дороги, по низкой морской террасе, в сторону Тятино...

Немного отдохнув в доме, мы решаем сходить на Тятину, но не спускаясь к морю, а напрямую – через бамбуковое плато, к началу смотровой тропы...

Уже часов шесть вечера. Но, высоко стоящее солнце, всё-равно, ещё жарко пригревает склоны. Мы быстро шагаем по вездеходной колее, широким полукругом рассекающей бамбуковое плато, постепенно заворачивая в речную долину Тятиной. В небе – всюю токуют бекасы!

– Чиф!.. чиф!.. чиф! – одиночно вскрикивая, птичка лезет в небо всё выше и выше...

И вот, наконец, она срывается в пике: «Фифифифирр-ррррррррр!».

– Ну, как пикирующий бомбардировщик! – смеюсь я, по-

глядывая в небо.

И снова, бекас начинает лезть в небо...

– Чиф!.. чиф!

Забравшись повыше, птичка снова срывается в пике и разогнавшись, снова жужжит перьями: «Фифифифир-rrrrrrrrrrррь!!!».

Бамбуковое плато прошли. Мыходим с колеи налево и по ольховнику, спускаемся чуть ниже. Стараясь не наступить на лежащие под ногами сухие ольховые ветки и сучки, мы осторожно шагаем по медвежьей тропе, проложенной по краю невысокой, здесь, надпойменной речной террасы...

Даже не успев дойти до начала смотровой тропы, метрах в двухстах, прямо напротив нас, в пойме, мы замечаем медведя!

– О! Смотри – медведь! – говорю я.

Чёрный, взрослый зверь спокойно пасётся посреди обширной прогалины в редкостойном, пойменном ивняке. Высокотравье ещё только проклюнулось из почвы, и пойма стоит голая, как хорошее футбольное поле. Веет едва заметный, благоприятный для нас, ветерок. Медведь, постепенно, тянет в нашу сторону.

– Давай, подождём! – говорит мне Труберг, – Я попробую его сфотографировать!

У него – широкоплёночный «Пентакс». Я, с завистью, посматриваю на это чудо фототехники... Мы устраиваемся там, где стоим – прямо на тропе. Здесь – сухая, прошлогод-

няя листва. В речную долину от нас сходит пологий, травянистый склон. Лежать на солнцепёке – очень приятно. Я прикипаю к своему биноклю...

Пасущийся медведь что-то заподозрил! Бросив кормёжку, он поднял голову и смотрит на нас!

– По-моему, с такого расстояния – он никак не может нас увидеть! – прикидываю я, в голове, – Значит, услышал?! Наши голоса? Да и... мы шуршали листьями, пока ложились!

– Ну, нет! – тут же отвергаю я «шуршащий» вариант, – Услышать шуршание листвой, на таком расстоянии... Нет, это нереально!

Опустив нос к самой земле, зверь замирает! Он стоит неподвижно, как изваяние.

– Я знаю твою обманчивую позу! – прищуриваюсь я, глядя на медведя в бинокль.

На первый взгляд – кажется, что зверь продолжает кормиться. И только, когда присмотришься – поймёшь, что медведь стоит, остекленев. Весь обратившись в слух, он слушает мир вокруг себя...

– Ну, как? Пасётся? – нормальным голосом, вслух интересуется у меня, Труберг.

– Тихо! – цыкаю я на Александра, едва разжимая губы, – Слушает! Нас услышал, наверно.

– Далекое! – не унимается, твердолобый Труберг.

– Вот тебе и «далекое»! – коротко огрызаюсь я.

Я неотрывно смотрю в бинокль. Медведь медленно опус-

кается на брюхо. Он лежит в позе сфинкса, с высоко поднятой головой, на, по-лебединому изогнутой, шее. Слушает...

Затаив дыхание, я смотрю, в бинокль, на его позу – сейчас всё решится!

– Ну! Что он? – опять раздаётся нетерпеливый голос Тру-берга.

– Ти-хо!.. Нас слушает! – шепчу я, – Может, решил, что мы мимо проходим. Решил переждать!

Однако, сегодня, мы никуда не спешим.

– Мы подождём, тоже, – я не свожу с медведя внимательного взгляда.

В круглом поле бинокля, чёрный медведь, на фоне зелени «футбольного поля» поймы, виден очень контрастно. Медленно тянутся минуты...

Видимо, поняв, что нас не перележать, медведь начинает, едва заметно, шевелиться. В поле моего бинокля, он медленно, почти незаметно, по сантиметру сдвигается вправо, к стволику одиночной, чахлой ивы и... вдруг! На моих глазах, начинает медленно исчезать!

– Словно, под землю уходит! – начинаю тревожиться я, в бинокль.

Вот, скрылись лапы Сфинкса! Вот, исчезло туловище! А, вот – и чёрная холка, скрылась, исчезла тоже! Со всё возрастающим изумлением, я взираю на это «чудо исчезновения», в бинокль...

Потом, опомнившись и усиленно сморгнув, я принимаю

к биноклю снова – и вижу перед собой ровную, без единого бугорка, зелёную плоскость «футбольного поля», с единственным стволиком чахлой ивы посередине.

– Где медведь? – недоумевает Труберг.

– Не знаю! – отвечаю я, – Не вижу.

– Он что, убежал?

– Нет! – категорично качаю я головой.

Что вправо, что влево от дерева, под которым растворился медведь – на добрые пару сотен метров простирается ровное, зелёное поле.

– Тогда, где он? – всё пристаёт ко мне Труберг.

– Не знаю! – огрызаюсь я, уже в который раз обшаривая голую пойму, в бинокль.

Подождав ещё минут десять и так ничего и не дождав-шись, мы поднимаемся с тропы. Отряхнувшись от листвы, шагаем в пойму...

Вот и злополучная ива.

– Блин! По канаве ушёл! – соображаю я, едва подойдя к дереву.

Мимо ивы, пересекая всё поле поймы, влево пролегает ровная, как стрела, поросшая короткой травкой канава, не более метра глубиной, с очень пологими, сглаженными бор-тами. Борта канавы так плавно переходят в ровную плос-кость поймы, что сбоку, в бинокль, эта неровность совер-шенно сглаживается!

– Блин! – поражаюсь я, уже другому, – Это, ведь, надо

суметь! Так чисто проползти по канаве, чтобы нигде, за всю её длину, не засветиться! Это, надо же, так изголиться!

А в голове уже бьётся ещё более серьёзная мысль: «Ведь, сначала! Это всё – нужно было просчитать! Нужно было увидеть канаву. Нужно было оценить, куда она ведёт и понять, что по ней можно проползти через поле! И, только потом – постараться её проползти, вжимаясь в днище канавы так, чтобы никто не заметил!».

– Хм! А, говорят, что животные не способны думать! – бурчу я, себе под нос, – Что, у них в голове – одни рефлекссы...

– Что ты говоришь? – оборачивается ко мне Труберг.

– А? Да! – отмахиваюсь я, – Это, я так! О своём...

Спешить, нам, больше – некуда. Я сажусь на ковёр зелёной травки, рядом с ивой...

– Тьфу! – зло плюю я, себе под ноги, – И нервы, ведь – как железо! Другой бы – в горячке, рванул по пойме, не щадя живота своего! А этот – шаг за шагом, расчётливо, тихо... Вот уж, точно – «сколько медведей – столько характеров»...

Тятинский дом. Сегодня, я буду работать по Тятиной. Я шагаю по морскому песочку, в сторону речки. Обычные пятьсот метров песчаного пляжа нашей бухточки...

Вдоль побережья, над устьем речки, летит орлан! Я поднимаю бинокль... Орлан – однотонный, тёмно-коричневый. Крылья более узкие, чем у орланов-белохвостов. Туловище

вытянутое, хвост необычно длинный. Краевые перья хвоста много короче, чем срединные. Этим, орлан похож на бело-плечевого, но... у его небольшой клюв. Это, вам – не «бело-плечинский шнобель»!

– Белоплечий? – прикидываю я, – Молодой... Но, тогда, он должен быть, весь, в пестринах! А этот – чисто коричневый. А клюв?! Он – и у молодого белоплечевого, должен быть как у тукана, из мультиков... Неужели, беркут? Скорее всего! Дыхан, один раз, показывал мне, в небе, беркута.

Орёл проходит в небе, над устьем, дальше. Я, заученным, коротким движением руки, сую бинокль в коробку футляра и перехожу по перекату, речку...

По краю речной террасы, я захожу в долину Тятиной. Лопухи, здесь, стоят – уже почти по пояс! Часто встречаются площадки медвежьих кормёжек.

– Так! – усмехаюсь я, – Пошла моя работа!

Вскоре, я вынимаю свой дневничок: белокопытник – триста пятьдесят восемь кусков, крапива – четыреста три, борщевик – четыре куса, дудник – один кус...

– Хм! – качаю я головой, – Как много, он, крапивы ест! Все верхушки пообкусаны!

Вот и знакомый участок спелого, пойменного ивняка. Скоро будет моё дупло рыбных филинов! Я, его, в мае прошлого года сделал. Я раздвигаю руками зелёные зонты белокопытника перед собой и осторожно, прислушиваясь и приглядываясь к окружающему лесу, продвигаюсь в направле-

нии дерева с дуплом рыбных филинов. Сейчас, я приближаюсь к нему снизу, со стороны устья речки. Получается, что по ходу движения, сначала – я подгребаю по лопухам, к дереву-присаде. Это – мощная ель, растущая метрах в тридцати, по другую сторону полянки.

– Интересно! Посещают, филины, моё дупло? – думаю я, – Или нет? Надо посмотреть!

Я протягиваю руку вперёд, чтобы отодвинуть очередной зелёный зонт – и вижу на нём большие, белые кляксы.

– О! Помёт! – радуюсь я, – Птичий помёт!.. Свежий! Последний дождь его не смыл! Значит – уже, после него...

Значит, рыбные филины часто сидят в кроне этой ели! Обжили-таки, моё дупло!!!

Я так рад, этому! Это дупло – полностью, дело моих рук. Так приятно, когда твой труд оказывается востребованным...

Всё-также, по лопухам, я подгребаю к дереву с дуплом. По свисающему до земли, полуобломанному суку, я взбираюсь на ствол «ивового баобаба», под самое дупло. Теперь, от моего лица до нижнего края дупла – два метра расстояния. Я вижу, что края входного отверстия ободраны! Красноватая кора ивы неряшливо свисает, узкими лохмотьями, по бокам входа.

– Это, она – когтями?! – я, пока на расстоянии, внимательно изучаю красные завитки ивовой коры, – Пыталась расширить вход?!.. Ну, да! Конечно! Низ входа – узкий!

При создании дупла, прошлой весной, я не обратил внимания на то, что вход в дупло, в своей нижней части, сужается в узкую щель.

– Как я, этого, сразу не заметил?! – корю я себя.

Я вытягиваю руки вверх и едва дотянувшись, берусь пальцами за край входа. Свободно повиснув в воздухе, я подтягиваюсь на руках, как на турнике и забираюсь в дупло...

Птицы в дупле нет. Только древесная труха, на днище, утрамбована широким углублением, по размеру сидящей птицы.

Устроившись поудобнее в дупле, я вытаскиваю из ножен свой тесак и начинаю подрубать белую, живую древесину ивового баобаба, расширяя низ входного отверстия...

– Вот!.. Так-то будет получше! – разговариваю я, сам с собой, – И не просто получше, а значительно лучше!

Как я понимаю, в этом году филины используют моё дупло только иногда, до кладки дело не дошло. Или доходило? Да кладка погибла? Откуда я знаю...

Я выглядываю из дупла наружу, чтобы посмотреть вокруг, на природу. Высоко над землёй, на уровне крон мощных ив, я чувствую себя так хорошо! Всё-таки, что-то в человеке есть, от обезьян...

– Пшиш! Пшиш! – слышу я, негромкие звуки.

Я поворачиваю лицо влево – в кроне соседней ивы перепархивают две птички. Бурые, с воробья размером, а спинки – ярко-жёлтые, апельсиновые!

– Пшиш! Пшиш – пшиш!

– Это же жёлтоспинная мухоловка!! – улыбаюсь я им, – Прилетели!

Коротко перепархивая по веткам, птички гоняются друг за другом. И пшикают друг на друга.

– Хм! Смешно, – улыбаюсь я, – Они не цикают, а пшикают!.. Чего, только, не бывает!

Я опускаю глаза вниз... и мой взгляд упирается в широкую, бурюю спину медведя! Взрослый зверь кормовым ходом движется по пойме, метрах в тридцати от моего дерева. Я спокойно смотрю на него сверху, из филинячьего дупла...

Медведь тянет поперёк речной долины, от речки к подножью её склона. Я посматриваю на него сверху. Я жду, когда он пройдёт...

– Ушёл... Нужно и мне, вниз спускаться! – деловито думаю я, выбираясь из дупла ногами вперёд, лицом к стволу дерева, – Здесь, наверху, конечно спокойней! Но, не век же мне здесь сидеть?

Довольный усовершенствованием филинячьего дупла, я прыгиваю на землю. И первым делом, настороженно озираюсь по сторонам...

Возвращаясь домой, я закручиваю свой маршрут по сырым ольховникам Банного ручья. Здесь – тоже, массовые кормёжки медведей! Я берусь за подсчёт поедей...

Уже на выходе к дому, я останавливаюсь и заносу в свой дневничок последнюю арифметику: соссюрея Фори – сто

тридцать пять скусов, дудник – шесть, лилия Глена – один скус, борщевик – восемьдесят скусов, бодяк – пять скусов...

Тягинский дом. Все научники откочевали на юг. Мы остались вдвоём – я и Ольга Анисимова, орнитолог нашего заповедника. Стоит, обычный для Кунашира, плотный туман. Выйдя из дома, я стою на улице и смотрю на лес...

В голове роятся тяжёлые мысли: «Вот и ещё один день пролетает. Сегодня – уже двадцатое мая! Двадцатое... А, я – ещё и не начинал работать, в качестве ботаника!».

– Планы! Мечты! – мысленно передразниваю я, сам себя.

Кругом сыро, холодно и серо. Прямо, как у меня на душе...

Из дома выходит Ольга. Присмотревшись к погоде и природе, она подходит ближе: «Саш! Ты что, такой злощий, ходишь? Чернее тучи».

– Напарника, Оля, нет! – оборачиваюсь я к ней, – До сих пор! А мне – нужен не просто напарник, а помощник! Представь! Я – геоботаник. Для того, чтобы выяснить, какие у нас березняки, я закладываю в них пробные площади. Березняк с покровом из вейника представляет одна площадь, другая площадь характеризует березняк с подлеском из бамбука... А, на нашем острове, всех ельников – пихтарников, ивняков – дубняков – не перечить! А, я – работаю один! Знаешь, как я работаю?

Анисимова молчит.

– Сначала, я выбираю место в лесу, под пробную площадь. Теперь – нужно отмерить стороны этой площади. Обычно, сторона составляет пятьдесят метров. А, в разреженных массивах – и семьдесят метров. А, как мерить? У меня верёвка – пятьдесят метров. Я её разметил на отрезки по десять метров. Я привязываю конец этой верёвки за ствол углового дерева и растягиваю её по стороне пробной площади. Бросаю, оставляю верёвку на земле! И возвращаюсь обратно – чтобы отвязать её начальный конец. Потом – я снова прохожу на конец, лежащей на земле верёвки, поднимаю этот конец и сматываю верёвку... Это – только одна сторона! А всего сторон, у площади – четыре. И я, все четыре раза, привязываю, разматываю, возвращаюсь и отвязываю начальный конец верёвки, возвращаюсь... И так – я хожу туда-сюда по сторонам, прежде чем замкну четырёхугольник площади!

– Да! – «крякает» Анисимова.

– Но, это – только начало! Теперь – нужно сделать таксацию. Измерить диаметры всех стволов деревьев на площади. Это выглядит так:

У меня в руках – мерная вилка. Это – такой большой, деревянный штангенциркуль. Подойдя к стволу, я измеряю его диаметр этим штангенциркулем. Потом – я беру, зажатый подмышкой, мой тесак и делаю затёс на стволе – для того, чтобы пометить обмеренный ствол. Иначе – сам запутаешься... Значит, делаю затёс и сую нож обратно, подмышку.

– Зачем подмышку? – спокойно спрашивает Ольга, – У

тебя – ножны, на поясе.

– Ха! – нервно хмыкаю я, – Облепленное смолой лезвие не лезет в ножны!.. Потом – я достаю ведомость таксации и ставлю точку напротив нужного диаметра нужной породы дерева. Это – одно дерево...

– Да, – сочувствует мне Ольга, – Кошмар...

– Это не кошмар! – горячусь я, – Это – идиотизм! Нужно быть идиотом, чтобы делать такую работу... Вот и получается! Что, работать – идиотизм. А, не работать и просто сидеть на кордоне – это... это форменное скотство!

– Саш! Знаешь что? – вдруг, говорит мне, Ольга, – Я, пока, свободна от своей работы по чайкам. Давай – я с тобой пойду?! Буду тебе помогать!

– Нуу... – недоумённо тяну я.

Это – неожиданное предложение! Моей голове, его нужно переварить.

– Несколько дней у меня, свободных – есть! – разводит руками, на моё молчание, Ольга.

– Ну, давай, попробуем! – соглашаюсь я, – Завтра. Вдвоём, конечно, будет полегче! И побыстрее...

Тятинский дом. Наступило «завтра». Сегодня двадцать первое мая. Стоит обычное для конца Кунаширского мая, туманное и сырое утро.

– Хорошо, что, хоть морось не сыпит! – думаю я, – За воротник.

Мой ботанический рюкзачок собран ещё с вечера. После обычного, девятичасового сеанса связи, в рабочей одежде, мы выходим из нашего Тягинского дома. Я оглядываю сначала себя, потом Ольгу – вроде, ничего не забыто.

– Ну, ладно! – командуя я, – Вперёд! Труба зовёт!

Поднявшись по серой пойме Тятиной около километра от устья, мы выходим в давно облюбованный мной участок спелого, пойменного ивняка. Здесь, редко стоящие, толстые стволы деревьев, серыми, морщинистыми колоннами уходят ввысь. И только там, вверху, они расходятся в стороны, мощными сучьями. Подлеска, здесь, нет вообще – редко какой кустарник выдержит конкуренцию с господствующими здесь летом, трёхметровыми дёбрями высокотравья. Но, сейчас – весна и лопухи ещё не превышают уровня моих колен.

– фу-ууу! – длинно выдыхаю я, – Пришли! Пять минут перекур.

Я снимаю рюкзачок на землю. Мы садимся рядом на толстый, морщинистый ствол ивы, словно колонна от римского дворца, лежащий на ровной поверхности поймы. Комлевая, задняя половина дерева лежит на столе поймы, а передняя, с коротко обломанными ветвями кроны – зависла, далеко выставилась в воздух над речкой, с двухметрового обрывчика.

Я сижу на этой деревянной колонне, а мыслями – уже, весь в работе. Мои глаза уже ощупывают стволы ивовых «баобабов», выбирают направление сторон будущей пробной площади.

– Шшшшшшшшшш,, – под нами, весело звенит своими струями, речка Тятина.

Встаём.

– Всё! За работу!

Тяжёлая практика моих работ на пробных площадях в прошлом году отшлифовала рациональное чередование рабочих операций на площади. Первое – это границы. Я достаю моток размеченной по десять метров, пятидесятиметровой верёвки.

– Держи, Оля! – я даю Анисимовой конец бечёвки.

Я шагаю вдоль стороны будущей площади, разматывая верёвку и делая лёгкие зарубки на стволах деревьев, входящих в площадь. Стоящая на углу, Ольга держит конец верёвки.

– Всёёё! Отпускааай! – кричу я ей и начинаю сматывать веревку, – Иди сюдаааа!

Ольга переходит ко мне, на новый угол площади. Здесь, я устанавливаю вешку с bussолью.

– Смотри, Оль! – объясняю я новую задачу, Анисимовой, – Если через bussоль смотреть вот так – будет прямой угол! Я, сейчас, пойду по новой границе, а ты – смотри, чтобы я в сторону не завалил!

– Ясно! – кивает она.

Я вручаю ей конец верёвки и шагаю вперёд, «отбивая» затёсками новую сторону площади.

– Саш-кааа! – над заросшей лиственным лесом поймой Тятиной звенит голос Ольги, – Правее бери! Сбился влево!

– Здорово! – радуюсь я, выправляясь на курсе, – Как же, всё-таки, классно – работать вдвоём!

Теперь – таксация.

– Смотри, Оль! – объясняю я Ольге, – Я кричу тебе название дерева и диаметр ствола. Ты находишь в ведомости породу этого дерева и на строчке этого диаметра ставишь точку. Точки ставим по четырём углам квадратика, следующие четыре ствола обозначаем чёрточками, соединяющими эти угловые точки и два ствола – чёрточки ставишь по диагоналям квадратика. Заполненный квадратик – это десяток стволов.

– Хм! – звонко хмыкает Ольга, – Теперь я знаю, что такое ваша «точковка»!

– Ну! Всё просто! – улыбаюсь я ей и шагаю к первому стволу, с мерной вилкой наперевес.

– Так... Ива сердцелистная, сорок шесть! – говорю я Ольге, пока мы стоим близко.

Сделав лёгкую зарубку на коре дерева, я бреду к другому...

– Ива, сорок восемь! – повышаю я, голос.

– Ива, сорок шесть! – скоро, уже кричу я Ольге в полную силу, взмахивая своим тесаком, чтобы сделать зарубку.

– Ива, пятьдесят два!..

– Ива девяносто шесть! – горланю я в полную силу лёгких, в дальнем углу площади.

Мои крики разносятся по тихой, речной пойме. Стоя на

одном месте, Ольга ставит в ведомость очередную точку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.